

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

Издательство «Правда» 1947 г.

12

Пионеры 1-й мужской школы города Тушино очень хорошо помогли агитаторам в подготовке к выборам в местные Советы. Они часто дежурили на агитпункте, проверяли списки избирателей, выпускали стенные газеты.

Наш фоторепортёр С. Преображенский сфотографировал ребят в тот момент, когда они выпускали газету «Мы избираем» для агитпункта избирательного участка № 77.

ёлка

Б. Полевой

Рис. А. Кокорина

Проешествие, о котором мне хочется рассказать вам, случилось в Нюрнберге.

Около четырёхсот корреспондентов газет и радио всех стран мира съехались на Нюрнбергский процесс. Американские власти отдели под пресс-кемп, что означало по-русски лагерь прессы, огромный, чудовищно аляповатый дворец карандашного короля Иоганна Фабера, одно из немногочисленных зданий города, сохранившихся после союзнических бомбардировок. Это был, наверно, самый шумный лагерь на земле. Здесь много работали, говорили и спорили на всех языках и наречиях мира, часто не понимая друг друга ни в прямом, ни в переносном смысле, но в общем старались друг другу не мешать.

И вот однажды в конце декабря в огромной холодной мраморной гостиной пресс-кемпа появилась большая рождественская ёлка, украшенная по обычаю американцев только блестящими кудряшками серебряной канители. Унылый, холодный дворец, который все мы потихоньку успели яростно возненавидеть, наполнился знакомым, острым, с детства волнующим запахом смолистой хвои. Дерево это сразу парушило уже сложившийся, очень шумный и суетливый, но деловой быт обиталища мировой прессы. Повесило далёким прошлым, родными местами, родиной, по которой всегда так остро тоскуешь на чужбине.

В этот вечер было непривычно тихо в соседней с гостиной рабочей комнате — уорк-рум, — откуда в обычные дни, как из ткацкого зала, с утра до вечера доносился ровный напруганный шум, в который сливалась трескотня десятков пишущих машинок. Молчали меж-

дународные телефоны. Дежурившие внизу, в холле, телеграфные мальчишки, в касках и униформах двух мировых конкурирующих между собой телеграфных агентств, всегда едва поспевавшие отправлять кучи телеграмм во все страны мира, сидели вдвоём на золочёном троне какого-то прогоревшего курфюрста, купленного из тщеславия карандашным королём, и от нечего делать с увлечением резались в кости.

Зато тесно было в сумрачной от дыма комнате бара, а в огромном столовом зале, не умолкая, неистовствовал негритянский оркестр, и мировая пресса всех национальностей лихо отплясывала между столиков разные замысловатые танцы. Сначала всё шло как будто хорошо. На ёлку к прессе приехали несколько английских и американских офицеров и генералов. Советская делегация, как и всегда, сидела в южном углу зала за своими традиционными столиками. С нами было несколько американцев и англичан, так как в пресс-кемпе в те дни считалось почётным делом провести вечер в компании советских людей, в так называемом «русском углу».

Цветные стёкла, которые карандашный король, лезший из всех сил в аристократы, инкрустировал аляповатыми картинками на сюжеты из рыцарских времён, дрожали в стрелчатых рамках. Слышалось шарканье сотен ног. С хор, порхая, увязая в волосах, в бокалах сыпался пёстрый снег конфетти, серпантинные кудри опутывали ноги танцующих, разноцветные ватные шарики летали от стола к столу. Всё это было в достаточной мере безвкусно и скучно, но всё-таки любопытно. Единственно интересным и действительно примечательным был на этой ёлке

негритянский оркестр. Он неистовствовал без отдыха.

Славные чернолицые музыканты в мундирах солдат американской армии с многочисленными золотыми прямоугольными на рукавах, свистящими карманами, говорившими, что они хорошо повоевали, изо всех сил дули в свои трубы, трубищи, трубочки, били в барабаны каких-то неведомых систем, неистово колотили по клавишам раскрытого рояля, по набору черепаховых панцирей, по полу и по доске пола, ловко орудовали какими-то свистульками, трещётками, металлическими метёлочками, издававшими самые невероятные звуки. И всё это делалось с таким вдохновенным жаром, так лихо, мило и непосредственно, с такими сверкающими глазами, что ясно было, что музыка и вся эта праздничная суতোлка вокруг оркестра доставляет им самим не меньшее удовольствие, чем танцующим и слушающим.

Особенно хорош был дирижёр. С тонким интеллигентным лицом, красивый, стройный, как камышинка, он, управляя оркестром, ухитрился сам поочередно перентрять на всех инструментах; он всё время мелодично подпевал, толкал ногой и, казалось, весь искрился весельем, отдаваясь шумной, бесшабашной народной мелодии.

— О'кей... Уэри гуд... Как это? Карашо, — причмокивал наш сосед по столу, один из крупных радиокомментаторов Америки, огромный, грузный, добродушный с виду человек, у которого всё — и руки и шея, — как тесто, выгибалось и вываливалось из военного мундира. Он изучал русский язык и не упускал случая нет-нет да и блеснуть перед нами русской фразой. — О! Маэстро? Нет?

Майстер? Да? Чёрный парень — луксус... Нет? Лучши майстер... Да? По-русски верно?

И, довольный тем, что ему удалось так здорово объясниться по-русски, он подмигнул всему столу, звучно захохотал и назвал себе ещё выски.

Оркестр играл так заразительно, что, не вытерпев, поднялся из-за стола и пустился в пляс со своей секретаршей, немолодой и положительной дамой в роговых очках, глава американского обвинения судья Джексон. А какой-то генерал, типичный янки с серебряными сединами и детским румянцем на щеках, под общий одобрительный смех и свист взял стул вместо дамы и стал показывать, как танцуют фокстрот в различных штатах Америки.

Наш сосед по столу умильно бубнил:

— Господа рашшен... Нет, русский товарищ. Ай есть ваш старый добры папибрат. Американци демократей — шен есть... как это... луксус. Нет? Люти добрейши демократейшен. Свобода. Ха-ха! О'кей! Ого!

Мы наблюдали за негритянским оркестром. При большом профессиональном мастерстве музыканты сумели сохранить чудесную непосредственность исполнения. Это как-то родило их с нашим народным творчеством и делало их музыку для нас особенно привлекательной. Но вот оркестр смолк, и сразу точно электрический ток выключили из артистов. Дыша тяжело, как загнанные лошади, они отирали широкими ладонями пот, лившийся с их лиц. И у советских журналистов, у нескольких сразу, возникла мысль по-товарищески поблагодарить их за талантливую игру. Мы подошли к возвышению, на котором располагался оркестр, и стали жать их большие, горячие фиолетовые руки.

И тут случилось что-то странное. В шумном зале наступила вдруг напуганная тишина. Все молча смотрели на нас: американцы хмуро, не скрывая своего удивления и неприятия, англичане холодно, вопросительно выжидающе, французы сочувственно-пронично, дескать, знаем, что всё это чехуха, предрассудки, однако стоит ли нарушать обычай хозяев дома, как бы смешны они ни были. Зато высокий, лысый чех-журналист, побывавший в своё время в фашистской тюрьме и едва спасшийся от верной петли, издали аплодировал нам, стоя у колонны. Два югославских корреспондента с партизанскими звёздами на новеньких костюмах присоединились к нам, а маленький чёрный болгарин, известный в своей стране

писатель и музыкант, вскочил на подмостки и принялся обнимать оркестрантов.

Но видели бы вы в эту минуту негров! На их широких, открытых, простодушных лицах сияло выражение детского счастья. Сверкая своими белозубыми ртами, они жали нам руки так, что сплипали пальцы и трепали кости суставов. Нет, положительно, это были славные ребята!

А тишина в зале становилась всё напряжённее. Ах так? Ну что же, пусть! Мы пригласили нескольких негритянских музыкантов к нам в «русский угол». Не успели они дойти до наших столиков, как оттуда демонстративно поднимались и удалялись сидевшие с нами американцы. Толстый радиокомментатор, мясстое лицо которого мгновение назад изображало сплошную улыбку, зло оглядываясь на негров, расталкивал народ, выдвигаясь из зала. Через мгновение он появился в дверях в сопровождении шефа пресс-бюро полковника Дина и какого-то офицера из штаба армии, при виде которого наши негритянские гости торопливо вскочили. Мило улыбаясь, полковник извинился перед нами за то, что нарушает нашу компанию, и сердито буркнул артистам: «Прочь отсюда!» Они ушли, испуганные, растерянные, как напуганные дети, и только красавец-дирижёр с достоинством допил свой бокал, простился и пошёл неторопливо и гордо, всем своим видом подчёркивая, что подчиняется грубой силе, пошёл сквозь строй наемных, непризнанных, недоумевающих взглядов, прямой: гибкий, стройный в своём мундире американской армии.

Снова заиграл оркестр. Засновали по залу пары, с хор хлынул дождь конфетти, цветные штормы серпантина замедляли, развёртываясь в воздухе. Всё было попрежнему. Но стало вдруг страшно скучно, серо и противно на душе. Я вышел в мраморную гостиную, где стояла ёлка, и здесь встретил старого фронтowego друга Сергея Крушинского. Неутомимый журналист задумчиво стоял у ёлки с чемоданчиком портативной машинки в руке. Он только что отстучал в тишине пустой рабочей комнаты корреспонденцию в свою газету.

— Вы знаете, о чём я сейчас вспоминал, — сказал он, улыбаясь тепло и мечтательно. — Я вспоминал...

— О нашей корреспондентской ёлке в Ново-Бридине, — догадался я.

Он молча кивнул головой. В эту минуту и я думал о том же, и мне ярко вспомнилось вдруг это давнишнее событие, навсегда оставившее в душе тёплый след. Было это на

исходе 1942 года, года тяжёлого и бурного. Александр Александрович Фадеев, приехавший тогда к нам на фронт с путёвкой корреспондента «Правды», представил «Красной звезде» майора Аратов и я вернулись тогда из Великих Лук, где завершалась последняя фаза тяжёлых и многодневных боёв за город. По разбитым дорогам в гололёду и метель мы проехали в этот день больше ста километров с единственной целью встретить Новый год в кругу друзей.

Корреспонденты Калининского фронта обитали в деревеньке Ново-Бридино и жили все вместе в здании бывшей начальной школы, носившей у нас почему-то ироническое название «белый дом». Дом был вовсе не бел, а сер от времени и непогод, очень ветх и щеляв. Пресса ютилась в огромном холодном классе, разгороженном самодельными ширмами и шкафами, и класс этот делили с нами многодетная больная учительница и несколько колхозных семейств, переехавших сюда после того, как немцы, отступая, сожгли их дома. Только корреспонденты-старожилы обладали в этой комнате лежаками. Гости же, которых, к слову сказать, на взятие Великих Лук слетелось и съехалось до десятка, все ютились на полу на сене. Но жили согласно и очень дружно, вполне оправдывая пословицу: «В тесноте, да не в обиде».

Когда многострадальная наша «эмочка», пробив радиатором последний супроб, причалила к крыльцу «белого дома», и в клубах пара мы ввалились в комнату, уже густели ранние зимние сумерки. Вся наличная журналистская братия в стёганках, в валенках, в накиннутых на плечи полушубках, засунув руки в рукава, горбилась вокруг временки, накалённой так, что искры вспыхивали и тасли на её багровых, гудящих от напряжения боках. Первое, что поразило нас в нашем жилище, была совершенно необычная для

него какая-то тягучая, грустная тишина, нарушаемая лишь тревожным воем огня, потрескиванием раскалённой трубы да сухим шелестом снега о стёкла. На лицах сидевших было какое-то отсутствующее выражение. Никто не спросил нас, ни как мы стедили, ни что нового в Луках. Нам молча уступили место у огня, и мы, поддавшись общему настроению, тоже молча протянули к нему окостеневшие от холода руки. И сразу мысли улетели и от трудных боёв и от этого занесённого снегом домика туда, где в неведомом нам тяжёлом и неуютном далёко, в эвакуации, наши семьи готовились сейчас встречать Новый военный год.

Гудело, шипело, металось в печурке затухавшее пламя. Ветер выл в трубе. Медленно тянулись грустные думы. Молчаливые лица товарищей то выступали, то исчезали в серой полутьме густеющих сумерек, невидимо поднимался к потолку крепкий мажорный дым, а где-то за нашими спинами скорее угадывались, чем виделись, фантастически обрванные, обычно такие шумные и крикливые, но сегодня тоже почему-то притихшие и только шмыгавшие носами юные обитатели нашего дома: маленький, круглолицый, курносый парнишка с круглыми глазами, прозванный нами «Ваня номер один», и очень похожий на него «Ваня номер два», отличавшийся от тёзки только меньшими размерами, четырёхлетний крепкий, поименованный у нас за мощь и неперклонность характера Ермаком Тимофеевичем, и сестрёнка его, белобровая, шустрая трёхлетняя девка, и много другой детворы мелкого и среднего калибра. Молчаливое присутствие этих маленьких человечков делало тоску по дому ещё острее и непосредственнее.

Печь прогорела. Раскалённые листы её начали синеть и потускнели вовсе. Комнату наполнила густая прокуренная тьма. И тогда кто-то, не помню уже кто, задумчиво предложил:

— Братцы, а что если нам учинить ёлку?

Это решило судьбу вечера. Все как-то сразу встряхнулись, ожили, засуетились, заговорили залпом, как на старой деревенской сходке. Завестили большую коптишку, сделанную из сплюсченного снарядного стакана, и началась бурная подготовка.

По наряду старшины корреспондентского корпуса мы с фоторепортёром Серёжей Коршуновым, захватив с собой топоры и электрический фонарь, отправились за ёлкой в лес, шумевший у самого нашего крыльца. И пока мы проталкивали путь через высокие косые сугробы, фантастически сверкавшие в остром электрическом луче, пока в застывшем морозном мраке торжественного леса искали подходящее дерево, в «белом доме» царил шумная суета.

На общий стол сносились всё, что у кого оказалось из снели. Наши пофёры, руководимые хрымым скохозником, мастером на все руки, Егором Васильевичем, сколачивали в сенах из досок огромный длинный стол. Александр Александрович, вызвавшийся возглавить группу украшателей будущей ёлки, вдруг обнаружил в этом деле недожинную изобретательность.

Сидя с ногами на своём лежаке, он отбирал прирешённые сокровища, и корреспонденты привязывали к ним ниточки. Предложения сыпались со всех сторон. Папиросы! Их можно посадить на концы веток вместо свечей. Индивидуальные пакеты! В них есть гипроскопическая вата, её присыпать гипосульфитом, которого много у фоторепортёров, — вот вам чудесно сверкающий снег!

Лазая по сугробам, мы с Коршуновым члена полтора прискакали в темноте подходящее дерево. Когда же, наконец, совершенно выбившись из сил, вспотевшие, в заскорузлых от льда полшубках и валенках, полных снега, мы ввалились в дом, подготовка была уже в полном разгаре.

Но особенно преуспела секция украшателей. Перед знаменитым писателем лежала уже целая гора сверкающих безделушек, так что он придиричо их браковал, отбирая лучшие. Когда же ёлка была вделана в колоду, водружена на место и убрана, мы сами пришли в восторг. Право же, она была хороша! Украшенная трофейными реталиями, патронами, оплетённая кудрявыми гирляндами телеграфных лент, с ветвями, покрытыми подушками сверкавшей гипосульфитом ваты.

Весь корреспондентский корпус был захвачен этой весёлой работой. Ребятишки же, заблаговременно выставленные в соседнюю половину дома, затаив дыхание, в щелку двери наблюдали эти интересные приготовления. И всем нам было бесконечно приятно видеть их восторженно-торжественные, умытые по случаю праздника рожицы. Торжество началось, двери распахнулись. Ребята хлынули в «зал». И корреспондентская наша ёлка встретила эту детвору, ещё недавно дрожавшую при немцах в земляных бункерах на огородах, разучившуюся громко говорить и улыбаясь, своим волшебным ароматом и ласковым сверкающим блеском незатейливых своих богатств.

Из-под ёлки с рёвом, тяжело переваливаясь, выполз навстречу ребятам медведь. Он, правда, был не очень звероподобен, этот наш самодельный медведь в вывернутом наизнанку косматом полшубке, в лёгких пимах, с бурой пыжиковой головой. По восторженному утверждению наших гостей он очень смахивал на их любимца Апап Амамыча, как звали они корреспондента Совинформбюро Александра Абрамовича Евновича, но, как бы там ни было, функции свои он выполнил отлично. Он старательно ревел, ходил на четве-

ренях, плясал в детском хороводе, даже катал на себе самых маленьких вокруг стола.

Вместе с детворой и, поверьте мне, с не меньшим энтузиазмом танцевали в этот день вокруг ёлки солидные писатели, известные журналисты, фотокорреспонденты с самыми громкими именами и их верные шофёры. Пели, водили хороводы, дурачились, и трудно сказать, кому это деревцо, с неотаившими ещё льдинками на ветвях, доставило в эту ночь больше радости — нашим маленьким гостям, для которых оно было символом возвращения из страшной неметчины в родной, советский мир, или нам, офицерам, которых оно точно волшебной силой мысленно переносило с фронта к своим далёким, родным и любимым.

В разгаре этой ёлки я вышел на улицу подышать. Ветер стих, метель спала, небо было необыкновенно чисто, точно отполированное пургой, и всё сияло звёздами. И так же, как звёзды, ярко и колотче светились у крыльца острые, свежее наметённые сугробы.

— Сколько ещё придётся встречать Новый год вот так, на фронте, вдали от семьи? — сказал кто-то, пыхнув папиросой во тьме сеней.

Фронт тогда шёл где-то у Гжатска, и мы, находившиеся в те дни на самом остром наступающего клина, штурмовали Великие Луки. Пяти до Берлина было далеко. Помолчали, потом другой голос мечтательно спросил:

— А интересно, где-то мы закончим наш последний фронтовой год?

И так уж случилось, что год этот мы с Сергеем Крушинским закончили в тысячах километров от казининской деревеньки Ново-Бридино, в разрушенном, мёртвом немецком городе Нюрнберге, у огромной ёлки, поставленной американцами для корреспондентов в мраморной гостиной пресс-кемпа. И хотя рядом гремел негритянский оркестр, хотя паркет полов дрожал от шаркающих ног танцующих пар всех национальностей мира, хотя на полках бара искрились в электрических огнях бесконечные настойки, ликёры, джины, виски и коньяки, хотя бармены в форме американской армии сбивали, не уставая, самые причудливые коктейли, она, наша маленькая ёлочка, экспромтом ворвавшаяся когда-то в неуютную солдатскую жизнь, была нам стократ милее и дороже, чем этот чужой, холодный пир в чужой, не наш праздник.

И ещё милее, как большая награда за трудный и длинный фронтовой путь, померещилась нам ждущая нас в Москве первая мирная новогодняя встреча в кругу семьи, на которую мы собирались тогда лететь из Нюрнберга, говоря без всяких преувеличений, за тридцать земель.

Из книги рассказов «Мы советские люди», которая готовится к печати в Детгизе.

Так хорошо

В. Кузнецов

Рис. Л. Тараканова

С горы,
С крутого берега
Я мчусь,
Качусь,
Лечу.

И свежий снег
Нетронутый
Я лыжами черчу.

А ветер злится,
Бьёт в лицо —
Перехватило дух...
Бугор,

Толчок —
Я кувырком

В холодный белый пух.

Мне руки,
Уши, и глаза,
И щёки снег обжёг.
Я отряхнулся:
— Не беда!
А ну ещё разок!

Вскарабкался,
Передохнул,
Ушанку натянул,
И...

Тут опять

Бугор,
Толчок —

Опять в сугроб «нырнул».

— Сдаваться?

Как же!

И ещё —

Седьмой,
Десятый раз.

— Так хорошо!..

Пошло,

Пошло —
Катался целый час.

Игорь Гранберг учит младших своих товарищей ходить на лыжах.

Зимние победы

Н. Розенкноп

У каждого сезона свой спорт, свои игры. Смешно было бы летом встретить человека, который на лыжах продирается сквозь зелёные заросли и втыкает палки в цветочные клумбы.

Так же смешно в ясный зимний день увидеть ребят, которые носятся с футбольным мячом по тесным коридорам или лестницам.

Мне никогда не приходилось видеть «летнего» лыжника, но футболистов, которые сражались в полутьме, между каким-то шкафом и корзиной, я видела. И в то время, когда эти чудачки задыхались от духоты в пыльном коридоре, по широкой снежной равнине мчались, разбуренившиеся от ветра лыжники, они взбирались на горы, стремглав съезжали с круч. Вот о таких людях, которые любят зимний спорт, я и хочу сегодня рассказать.

ДВА ЧЕМПИОНА

Первый раз мы встретились осенью, когда ещё не было настоящего снега. «Температура днём будет 0°», — сказали по радио. И действительно, снег, выпавший поутру, днём стал таять. Вдоль тротуаров потекли ручьи. В этот день я увидела на улице лыжника. На плече он нёс лыжи, а за спиной у него был рюкзак.

«425-я мужская средняя школа» — было написано на двери, в которую он вошёл. «Вот, значит, где находятся первые лыжники этого года», — подумала я и вошла следом. Тут мы и познакомились. Лыжник оказался учеником 10-го класса Игорем Гранбергом. В комнате, куда мы с ним вошли, собралось много мальчиков. Игорь раскрыл свой рюкзак и вытащил оттуда множество банок. В банках была лыжная мазь для оттепели. Он сам сварил её и испробовал утром.

— Куда же столько мази? Да ещё для оттепели. За десять зим — и то, пожалуй, не израсходуешь.

— Но ведь это для всех, — сказал Игорь и показал на окруживших его ребят.

Девочки, если очень любят старшую подругу, непременно подойдут к ней, обнимут, поцелуют. У мальчиков так не бывает. В комнате шёл деловой разговор о лыжной мази. Но когда говорил Игорь, стихали самые шумные ребята — без слов было понятно, что Игоря очень любят и уважают.

— Знаете, он чемпион Москвы, — прошептал мне на ухо один мальчик.

За это любят товарищи Игоря? Нет, любовь нельзя завоевать ни силой, ни ловкостью, ни даже званием чемпиона. Случается, что люди applaudуют проигрышу чемпиона.

Вот какой случай однажды произошёл с другим чемпионом школы. Его сняли с забега в последнюю минуту, почти у самого старта. Все лыжники растерялись, а сам он не поверил. Снять с забега сильнейшего лыжника школы с его коронной дистанции в три километра?! Да ещё в то время, когда лыжники 431-й школы, вечные соперники 425-й, явились на старт в самом сильном составе! Михаил Иванович, учитель физкультуры, просто пошутил.

Но Михаил Иванович повторил:

— Отойди, таких «чемпионов» нам не надо.

И лыжники ушли, скрылись за лесом, а чемпион в отставке молча сел на пенёк.

Конечно, очень важно, чтобы команда победила. Но если человек говорит: «Без меня вы все пропадёте», — если он вырывает палки у другого мальчика и важно заявляет: «Мне они нужнее», — если этот человек презирает всех членов своей команды и считает себя главным и единственным. — пожалуй, лучше обойтись без такого чемпиона. И без него команда не пропадёт.

Вот какая история была с одним из чемпионов школы. И так сердились на него все ребята, что это им даже духу прибавило. И если бы у одного мальчика не сломалась лыжа, команда заняла бы первое место, а из-за сломанной лыжи ей досталось второе.

Этот случай показывает, что человек, который хорошо ходит на лыжах, обязательно становится любимцем школы. Пожалуй, его могут даже не влюбить, если он будет держаться высокомерно и заносчиво.

А Игоря Гранберга в школе любят, потому что он настоящий товарищ.

Игорь — чемпион Москвы по лыжам. Ему нужны особые тренировки. А кто видал, чтобы Игорь один ходил на лыжах? Всегда вместе с ним идёт группа ребят. Он их учит. И уж если у кого-нибудь порвётся ремень или случится ещё какая-нибудь беда, Игорь не оставит этого мальчика на произвол судьбы.

— Когда я первый раз пошёл на лыжах, — рассказывает Игорь, —

я оказался самым последним. И мне стало так скучно, что я долго потом не хотел и думать о лыжах. Ведь это очень обидно, когда все ушли далеко вперёд, а ты один тапишься позади...

Конечно, у председателя лыжной секции много обязанностей. И он мог бы не варить лыжную мазь для других. Сделает это только тот, кто искренно хочет, чтобы быстро мчались лыжи всех ребят, чтобы было в школе много хороших лыжников.

Вот такой чемпион — гордость школы. Посмотрите, как волнуются даже самые маленькие мальчики, когда Игорь выходит на старт. Каждый желает ему удачи!

СИЛЬНЫЕ РУКИ

Хорошо, если ты растёшь высоким, широкоплечим человеком, и инструктор, посмотрев, говорит:

— Из этого мальчика выйдет хороший спортсмен.

А если никто не обращает на тебя внимания и никому даже и в голову не приходит включить тебя в какую-нибудь серьёзную команду? Пусть пять раз под ряд ты скажешь: «И не надо, я и сам не хочу». Я знаю, тебе в эту минуту тяжело. Может быть, более малодушный человек даже заплакал бы. Но ты сдержался. И это хорошо. Но скажи: ты будешь с этим мириться? Нельзя с этим мириться!

Часто на уроках физкультуры видишь: у окна на лавочке сидят несколько мальчиков. Они пришли без тапочек, забыли их дома или потеряли. Но можно ручаться, что дело не в

Теперь Толя Леонов легко выполняет сложные упражнения на кольцах.

сапожках. Эти мальчишки, наверно, неудачно начали заниматься спортом. От кого-то они отстали, кто-то над их неуклюжими движениями посмеялся — и кончено. Они махнули рукой и решили, что ничего у них не выйдет, нечего и стараться.

— Я вообще больше люблю шахматы, — сказал мне один мальчик.

Но разве любое увлечение, будь то шахматы, радио или музыка, может заменить быстрый бег, лыжи, коньки? Нет такого человека на свете, который не любил бы спорт, которому не хотелось бы побегать, прыгнуть, перекувыркнуться. Да посмотрите даже на этих ребят, которые сидят у окна на лавочке. Ведь они с завистью глядят на мальчиков, которые упражняются на кольцах, подтягиваются на руках или стремительно мчатся с мячом в баскетбольному кольцу! Надо убрать маты, отодвинуть брусья — и они вскакивают со своей скамьи и бегут убирать маты, отодвигать брусья. Даже эта «чёрная» работа имеет какое-то отношение к спорту. А мальчики эти любят спорт, но нехватает у них смелости и решимости побороть свою застенчивость, выставить напоказ, может быть даже насмех, свою неловкость. И они сидят на лавочке.

Нет, нельзя сидеть на лавочке! Надо поступать так, как Толя Леонов. Он не примирился с тем, что хуже всех делает упражнения на кольцах. Он решил научиться. В спортивной школе инструктор гимнастики сказал:

— Не можешь подтянуться. Какие у тебя слабые руки!

И действительно у него были слабые руки. Удивительно бывает смотреть, как беспомощно висит тело человека, который не в силах подтянуть его, сделать рывок. Вот таким беспомощным был Анатолий.

Ребята, посмеиваясь, помогали Анатолию, поднимали его к кольцам. Но это были все свои ребята, перед ними было не стыдно.

Пришёл день соревнований. Анатолий мог отказаться от участия, никто его не стал бы уговаривать. Многие ведь считают, что лучше совсем не выступать, чем быть последним. Но Анатолий сказал:

— Как смогу, так и сделаю. Конечно, постараюсь.

Он так волновался перед соревнованиями, что не раз хотел убежать. Только он никому об этом не говорил. И когда пришла его очередь, он, худенький, невысокий мальчик, вдруг высоко подпрыгнул и легко схватился за кольца. Плотно сжав ноги, он раскачался и сделал стойку на руках. Нет, эти руки уже не были такими слабыми: они крепко держали его тело.

Конечно, он не завоевал ни первого, ни второго места. Другие ребята делали упражнения красивее и лучше его. Но уже никто не смеялся над Анатолием. «Просто он ещё не очень натренировался», — подумали судьи.

ИМ ОТКРЫТЫ ЗИМНИЕ ПУТИ

Мы поспорили с одним мальчиком: кого считать хорошим лыжником?

— Очень просто, — сказал мальчик, — если человек проходит 3 километра за 24 минуты, — значит, он хороший лыжник.

— А если он не может взобраться на гору?

— Это неважно, — сказал мальчик.

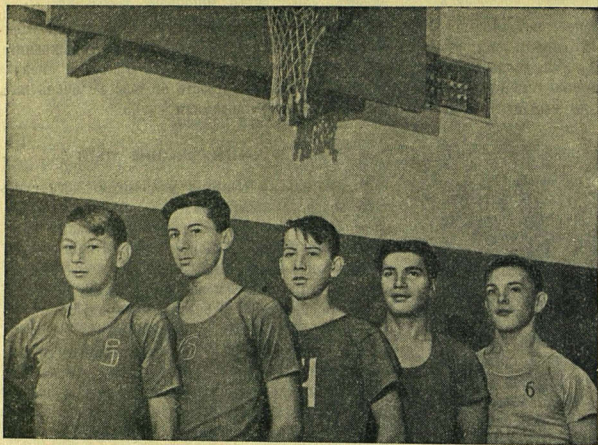
— Ну, брат, ты очень ошибаешься, — ответила я. — Земной шар — это не равнина, по которой во все стороны идут готовые лыжни. Ты не захочешь ходить только около своего крыльца? Ну, тогда умей взбираться на горы, спуститься вниз, идти и лесом и полем. Для того и созданы лыжи, чтобы ты мог пройти всюду.

Тут я вспомнила про лыжников-разведчиков на фронте. Они скользили по глубокому снегу, где провалился бы конь и завязали бы гусеницы танка, пробрались по узкой тропе меж деревьев, где не прошёл бы ни один вездеход. Вот что я вспомнила.

Командование велело разведчикам привести «языка» — немца из тыла, который знает куда больше, чем солдат в окопе. Выбрали для этой цели двенадцать смелых лыжников. Наметили их путь. Горами, оврагами, глухими лесами они должны были пробраться в немецкий тыл, никем не замеченные и не видимые. Они надели белые маскировочные халаты и даже лыжи покрасили белой краской. Ночью они тронулись в путь. Сначала шли один за другим, а когда перешли за линию нашей обороны, рассыпались цепью: идти гуськом опасно, их могла скосить одна пулемётная очередь. Впереди показались немецкие блиндажи. Разведчики легли на лыжи и поползли. Палки они держали у самого основания и осторожно отталкивались ими. Все мы с замиранием сердца следили за их бесшумным и осторожным продвижением. Вдруг в небо взлетела немецкая ракета. Холодным синим светом она озарила широкое поле, заискрился снег. Но немцы никого не увидели при свете ракеты. Словно двенадцать бугорков, недвижно лежали наши разведчики.

Они прошли 10 километров в один конец и 10 километров обратно. Да ещё на обратном пути им пришлось тащить немца. Ни разу за весь путь разведчики не ступили на хоженую тропу. Они шли целиной, каждый сам прокладывал себе лыжню. Когда им встречались просеки (а немцы нарочно их прорубали, чтобы

Вот ребята из баскетбольной команды Юры Полухина.

легче было просматривать лес), они обходили их стороной. Если перед ними вставала гора, они шли самым крутым подъемом, потому что отсюда их не могли ждать. Лыжи, простые, обыкновенные лыжи, выносили их и из глубоких оврагов и из лощин, зажатых суровыми северными скалами. В этой разведке были настоящие лыжники—смелые, выносливые, сильные. Для таких людей всюду открыты зимние пути.

ИСТОРИЯ ФИНАЛЬНОГО МАТЧА

В 425-й школе все мальчики играют в баскетбол. Эта игра хороша и зимой, и летом, и весной, и осенью. Можно играть в баскетбол и на свежем воздухе, и в зале, он не требует такого большого поля, как футбол.

Есть в школе одна команда, которая в этом году победила все баскетбольные команды мальчиков Москвы.

Капитан этой команды — центр нападения — Юра Полухин. Все мальчики высоки ростом, хорошо прыгают, бегают, ловко передают мяч. Этим мальчикам удалось победить немало сильных команд. Наконец две команды вышли в финал. Против команды Юры Полухина стояла команда мальчиков общества ЦДБА, она тоже прошла весь путь без поражения. Играли в ней очень сильные игроки, и впервые команда Юры Полухина почувствовала, что на поле пришел другой хозяин, он диктует свою волю. Стоило Юре или Валентину Рунову прорваться к воротам, как вставала перед ними спокойная и грозная за-

щита, не пробышь. А когда противник шел в нападение, у него трудно было перехватить мяч: так точно пасовались ребята. Стрелка часов все двигалась вперед, и наконец, до конца игры осталась всего одна минута.

Каждому знакомо это неприятное чувство, когда исчезает последний шанс на победу. Теперь уже не отыграться. В такие минуты легко потерять самообладание. Игроки начинают ссориться: один упрекает другого, все вместе сердятся на того, кто только что промахнулся. Ему уже не дают мяча, обходят. А в это время промахнулся другой. Так уходят последние секун-

ды. Проигрывая, команда Юры молчала. Мальчики не ссорились при неудачах. Конечно, у каждого из них были промахи. Три раза они упустили возможность забить верный гол. А мяч, который они отбили в такой отчаянной борьбе, с которым обошли обоих защитников противника, этот мяч ударился о штангу и отлетел в сторону. С ужасом поглядывали на часы «болельщики» 425-й школы. Но на поле еще шла борьба. Вот Валентин Рунов высоко подпрыгнул, перехватил мяч.

— Э, теперь уж ничего не поможет! — крикнул какой-то мальчик.

А Валя Рунов почти из самого центра бросил мяч в кольцо и попал. И вдруг все увидели, что команда Юры Полухина живёт, что она захватила всё поле. Вот игрок противника подпрыгнул, но не достал мяч. Его перехватил Белов, кинул Рунову. Теперь мяч у Полухина. Он не хочет рисковать, надо бить наверняка. Он бежит к сетке, обходит защиту. Скорей! Осталось 16 секунд, сейчас будет свисток!

— Гол! — говорит судья.

Команда Юры выиграла. В это даже трудно было поверить, особенно побежденным. Ведь, казалось, победа уже в их руках. Нет, никогда не встречали они такой команды. Ее игроки бились до последней секунды и победили.

ЕГО НИКТО НЕ УЧИЛ

Все-таки это большая разница — кататься на мостовой или на катке. Юра Кузнецов обгонял всех мальчишек в своём переулке, а вы-

шел на лёд — и ноги у него разъехались, словно он новичок. Потом, конечно, он привык к ледяной дорожке. Однажды мама подарила ему чудесные беговые коньки «норвежки». Уже второй год Юра ходит на них. Катается он хорошо. Один раз, когда урок физкультуры был на катке, Юра обогнал всех ребят на три круга. Это был единственный раз, когда он, так сказать, официально померялся силами с другими конькобежцами. Обычно просто задумывал про себя: «Ну-ка, догони того, в сером свитере». Конькобежец в сером свитре спокойно катил, даже не подозревая, что стал участником соревнования, а Юра, обгоняя его, торжественно оглядывался: «Перегнал!»

Но случилось и так, что вдруг прямо из-за спины Юры выскакивал какой-то другой мальчик, пронесился вперёд и тоже оглядывался. Ясно, он считает, что победил. Юра тотчас принимал вызов. В тот момент, когда победитель, уйдя вперёд, считал себя недосягаемым, Юра уже гнался за ним по пятам. В этом соревновании конькобежцев Юра стал замечать, как различны бывают стили. Одни конькобежцы шли плавными широкими шагами. Они словно «тянули» толчок. Юра узнал, что один знаменитый конькобежец мог 15 метров прокатиться на одном коньке. Многие, чаще люди невысокого роста, делали резкий, сильный толчок. Одни шли, сильно раскачивая корпус, а другие направляли свой конёк не в сторону, а вперёд, как говорят, «узкой ёлочкой».

Никто из этих конькобежцев и не знал, что за каждым их движением наблюдает внимательно и зоркий мальчик. Уж, конечно, они не

собирались быть его учителями. Но Юра умел видеть, и он сам учился у них.

И когда он пришёл на каток своего друга Витю Ривкина, то сказал ему:

— Прежде всего посмотри, как катаются другие. Только посмотри внимательно.

* * *

«Зимние победы» — так называли мы свой рассказ о спортсменах 425-й школы. У них много разных побед. Но о самой главной победе мы ничего не сказали, а завоевали её все мальчики этой школы; все они научились ходить на лыжах, играть в баскетбол и бегать на коньках. Одни, конечно, делают это лучше, другие хуже. Но важно то, что все они занимаются спортом. Это и есть главная победа.

В школе существует совет капитанов, в него входят капитаны всех команд: баскетболисты, лыжники, боксёры и гимнасты. Вместе решают все важные вопросы и большие ребята 9-х и 10-х классов и ученики, для которых наступил первый спортивный год.

Во главе совета капитанов стоит Михаил Иванович Маркин, тоже ученик этой школы, но в прошлом.

Несколько лет назад он окончил институт физкультуры, вернулся в родную школу и стал преподавателем. И учитель и ребята зимой увлечены одними и теми же видами спорта: лыжами, гимнастикой, баскетболом. Их интересы, наверно, сопали не случайно. Учитель увлёк своих учеников. Для многих он проложил первую лыжную, а теперь они уже сами идут по снежным лыжным путям.

Анатолий Кузнецов, ученик десятого класса, тренирует пятиклассников Андрея Ладыгина и Ваню Голубева.

О наших отрядных делах

Когда меня в прошлом году выбрали председателем Совета отряда, я не знал, с чего начать. Хотелось сделать всё сразу, и я за всё брался сам. Но почему-то ничего не получалось; и мне было очень обидно. Старшая вожатая тогда сказала, что ничего хорошего в отряде не получится, если заботиться об этом будет только председатель отряда. Нужен пионерский актив. И вот тогда я понял свою ошибку, почему у меня ничего не получалось, и стал присматриваться, какие же в моём отряде ребята, что с ними можно делать. Скоро я увидел, что активных пионеров очень мало, больше всё таких, которые ничего не хотят делать. «Как же быть?» — думал я. И, знаете, до чего мы додумались на одном Совете отряда? Конечно, теперь об этом даже смешно вспоминать, а тогда нам это показалось целым открытием. Мы вдруг догадались, что ребята не хотят ничего делать потому, что в нашем отряде очень скучно.

Приближались зимние каникулы. У нас было много любителей покататься на лыжах и коньках, и мы решили в первый же день каникул устроить лыжный пробег. Мы тогда объявили: «Кто будет лучшим лыжником и конькобежцем в нашем отряде?»

В классе начались разговоры о пробеге. Я наблюдал за ребятами и, когда увидел, что желающих очень много, сказал им о самом трудном, без чего не могло быть пробега: участникам надо сдать нормы по лыжам на значок «БГТО». «Неужели всё сорвется?» — беспокоился я. Особен-

но я боялся за «нарушителей». Я терпеливо ждал два дня. А на третий они пришли и принесли справки, что нормы действительно сдали. Вот когда радости моей не было предела! Я радовался своей первой победе в работе.

Пробег прошёл хорошо. Наш отряд взял первенство. Лыжники нашего отряда были лучшими в дружке. Нам это так понравилось, что у всех появилось желание быть впереди во всём. С этого и началось. Что бы в дружке ни делалось, — наш отряд всегда впереди. Общая работа сделала отряд дружным до конца учебного года.

В этом году меня опять выбрали председателем Совета отряда. Но теперь всё идёт иначе. Почти все пионеры нашего отряда — хорошие общественники. А прошлогодние «нарушители» — теперь мои лучшие помощники. Вот, например, Руслан Беляков. Когда-то его трудно было втянуть в работу, а сейчас он уже комсомолец, член Совета дружины, ярый блюститель порядка и дисциплины. Ведь мы уже в седьмом классе и понимаем, что должны быть хорошим примером для маленьких ребят. И мы это доказываем на деле.

Сейчас большинство из нас стали членами клуба юных мастеров при Доме пионеров, хотим фантазировать, изобретать. И ещё мы решили не отставать от девочек в художественной самостоятельности. Неужели мы хуже девочек можем петь, играть и плясать? Не думаю. Мы уже организовали шумовой оркестр. Желающих оказалось много. Нашлись чтецы, найдём и певцов.

Мне очень хочется знать, как работают отряды в других городах. Председатели отрядов, давайте расскажем друг другу об этом!

Игорь Ивановский,

председатель Совета отряда № 1,
1-й мужской средней школы,
г. Тушино, Московской области

Экзамен Юры Тараканова

Юру Тараканова в нашей школе знают как хорошего ученика, лучшего в отряде вожатого звена и очень хорошего товарища. Кроме того Юра — замечательный физкультурник. Совет отряда не раз поручал ему проводить зарядки, строевые занятия, спортивные игры на сборе. И Юра охотно это делал. Вот почему все ребята в отряде очень обрадовались, когда узнали, что Совет дружины решил присвоить ему звание пионера-инструктора физкультуры.

А было это вот как.

На Совет мы пригласили директора школы Александра Степановича Колобкова и преподавателя физкультуры Анатолия Сергеевича Алтынова.

Присвоение звания пионера-инструктора — дело серьезное. Надо проверить, заслуживает ли его пионер, поэтому на Совете дружины Юре был устроен экзамен.

— Покажи-ка, Юра, упражнения комплекса «БГТО» на «отлично», — сказал Анатолий Сергеевич.

Юра сперва ступешался:

— Я в ботинках, хорошо не получится.

— Ничего, мы учтём это, — ответил преподаватель.

О том, что мы узнали в музее

Недавно мы всем классом ездили на экскурсию во дворец-музей графа Шереметьева, который находится в Останкине под Москвой. Дворец произвёл на нас очень сильное впечатление. Здание, построенное в античном стиле, отличается строгой красотой. Оно украшено колоннами, перед дворцом стоит статуя Аполлона — бога солнца и покровителя искусств по греческой мифологии.

Мы осмотрели весь дворец, побывали во всех его залах и увидели много красивого. Особенно прекрасны Египетский и Венецианский залы.

Дворец был построен сто пятьдесят лет назад. Архитекторы, плотники, резчики по дереву, художники — все они были крепостными графа Шереметьева. Руководил постройкой крепостной архитектор Павел Ар-

и Юра хоть и был не в физкультурном костюме, но все упражнения выполнил очень точно и красиво.

— Ставлю отличную оценку, — сказал Анатолий Сергеевич и спросил:

— А сможешь провести спортивную игру?

— Какую: на внимание, на повороты или?..

— На внимание! — крикнуло несколько голов сразу.

Юра подал команду: «Становись на игру!» — и все члены Совета дружины встали со скамеек. Юра объяснил правила игры и под общие шутки и смех провёл её. Тут выяснилось, что похвастаться членам Совета дружины нечем: внимательным оказался только один из нас.

— Полезно проводить такие игры, — смеясь, сказал директор школы.

Потом Юра рассказал, как он проведёт в отряде соревнования на лучшего скорохода и бегуна.

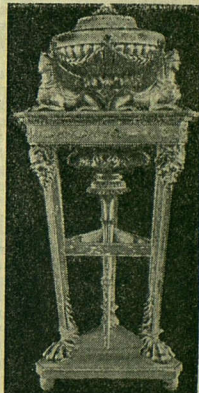
На экзамене мы убедились, что Юра — не только физкультурник, но и умелый организатор массовых спортивных игр. Совет дружины единогласно решил присвоить Юре Тараканову звание пионера-инструктора по физкультуре и поручил ему руководить физкультурным кружком в отряде.

На следующий день решение было объявлено на общедружинной пионерской линейке. Теперь в нашем отряде есть свой инструктор по физкультуре.

Борис Матвеев,

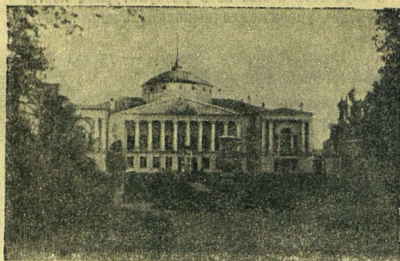
председатель Совета отряда 6-го класса
33-й школы г. Ярославля

гунов. Эти русские мастера создали замечательные произведения искусства. Сколько труда и какое художественное мастерство нужно было для того, чтобы так красиво расписать цветными красками потолки! И нигде рисунок не повторяется: в каждом зале он всё новый и новый. Краски до сих пор сохранили свою первоначальную свежесть, несмотря на то что прошло уже полтора века. Поразили нас паркетные полы дворца. Они составлены из разных пород дерева, удивительно искусно подобранных в сложные красивые узоры, которые так же, как и рисунки потолка, ни в

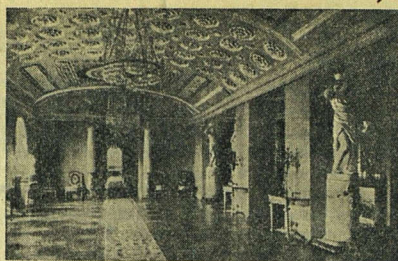

Этот стол и сфинксы
сделаны из дерева

Внешний вид дворца

Один из дворцовых залов.

одном зале не повторяются. Во дворце есть комната, паркет которой составлен из семнадцати различных пород дерева. Эта комната замечательна тем, что в ней была подписан проект Указа об отмене крепостного права.

Весь дворец целиком построен из дерева. В нём всё деревянное: колонны, очень искусно отделанные под мрамор, мебель, даже статуэтки, при взгляде на которые никогда не подумаешь, что они не бронзовые, а деревянные. Почти всё во дворце отделано художественной резьбой. Искусство резьбы по дереву здесь достигло своей наивысшей красоты. Очень изящны и красивы деревянные резные люстры. Какой талант и какое терпение нужны были для того, чтобы вырезать из дерева эти изящные, лёгкие дубовые листья на люстре в театральном зале! Тяжёлая деревянная люстра кажется ажурной и лёгкой. В зале, где теперь находится картинная галлерея, люстра сверкает, как хрусталь, и словно парит в воздухе.

Экскурсовод рассказал нам о театре того времени. Театр графа Шереметьева был одним из лучших в России. Его посещала высшая придворная знать. А играли в этом театре крепостные актёры. Трагически сложилась жизнь многих из них. Некоторые гибли совсем молодыми, в расцвете творческих сил. В народе осталась песня о крестьянке, на которой женился барин. Это песня о Параше Жемчужной — талантливой крепостной актрисе графа Шереметьева. Её судьба сложилась иначе, чем других крепостных актрис. На ней женился граф. Но это не принесло ей счастья. Несмотря на то, что Параша была образованной и талантливой актрисой, её всё равно презирала придворная знать. Жизнь Параша была очень тяжёлой,

и она умерла от горловой чахотки в тридцатичетырёхлетнем возрасте.

Осматривая дворец, с гордостью думаешь о том, что его строили простые русские люди. И горько становится, что труд этих прекрасных мастеров, живших в курных избах и слепнувших на работе, никак не ценится. Ярким примером этого служат замечательная картина крепостного художника Николая Аргунова «Узнанный Ахиллес». Шереметьев выдавал эту картину за произведение немецкой художницы Кауфман. В то время были модны произведения иностранных мастеров, а своё родное, русское считали плохим. Только недавно было открыто, что эта картина была написана Аргуновым.

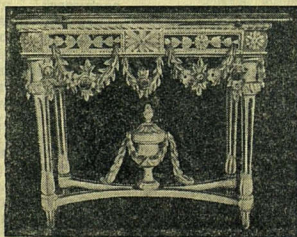
В музее есть комната, которая показывает, как Шереметьев обращался со своими крепостными. В ней мы увидели кандалы, в которые заковывали провинившихся; рогаки, которые надевали на шею человека, так что он не мог ни спать, ни даже повернуть головы; тяжёлый чурбан с толстой цепью, который надевался на шею, чтобы человек не мог убежать.

Девочки нашего класса очень довольны экскурсией. Она наглядно показала нам громадную разницу, которая была между жизнью богатых вельмож и простых русских людей. И мы подумали о том, какая сильная и мужественная душа была у людей, сумевших в нищете и унижении создать такую удивительную красоту.

Весной мы опять поедём в музей. Хочется ещё раз посмотреть на этот замечательный памятник русского искусства.

Галина Медведкова,
Ирина Друян,

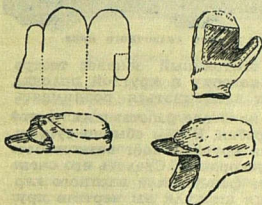
ученицы 8-го класса
163-й школы г. Москвы

СПРАВОЧНОЕ Б Ю Р О

КАК СДЕЛАТЬ БОТИНКИ НЕПРОМОКАЕМЫМИ? Смажь их каким-нибудь жиром (ворванью, касторкой, рыбьим жиром, говяжьим салом, смешанным с дёгтем). Смазывать нужно сухую обувь раза два-три, пока жир не перестанет впитываться кожей. Это — хорошее средство против сырости. Но жир изолоду держится в коже, поэтому смазывать ботинки не реже раза в месяц.

Такие варежки и шапочку ты можешь сплести сам.

ЛЫЖИ У ХОРОШЕГО СПОРТСМЕНА ВСЕГДА ДОЛЖНЫ БЫТЬ В ПОЛНОМ ПОРЯДКЕ.

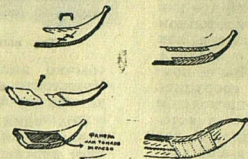

Для этого прогрей скользящую поверхность лыжи над жаровой, примусом или перед печью, покрыв её тонким слоем смолы и снова нагрей, чтобы смола впиталась в дерево. Продолжай это несколько раз, пока смола не перестанет впитываться в древесину и лыжи не станут тёмно-коричневыми. После этого смажь скользящую поверхность, не разогревая её, тонким слоем лыжной мази, разотри ладонью или пробкой до тех пор, пока не появится ровный глянec. Подержи лыжи минут 10—15 на дворе в вертикальном положении и можешь отправляться в поход.

БОТИНКИ ЛЫЖНИКА должны быть на один-два номера больше, чем обычно, чтобы можно

было надеть тёплые носки и портянки и постелить для тепла сухонье, войлочные или соломенные стельки. В сильные морозы ноги оберни ещё газетной бумагой. Не перетягивай ноги туго шнурками или обмотками: от этого уменьшается прилив крови к ступням и ноги сильнее зябнут. Начиная шнуровать не очень туго, на подъёме затяни шнурок потуже, выше голеностопного сустава сделай узел и продолжай шнуровать совсем слабо, чтобы ботинок не сжимал мышцы.

ЕСЛИ У ТЕБЯ ПОЛОМАЛАСЬ ЛЫЖА, не выбрасывай её, а постарайся починить. На этих рисунках ты видишь, как это нужно сделать.

МЯГКИЕ КРЕПЛЕНИЯ ты можешь сделать сам. Подбери для этого толстые, прочные ремни и пришей их жиром (лучше всего го-

вяжьим салом). Делай их такой величины, чтобы в них входил только носок обуви (до основания большого пальца). Если ты ходишь на лыжах в валенках, шей себе кожаные напосники. Наверху сделай шнуровку, тогда напосники можно будет надевать на большой и на маленький валенок.

ДЛЯ ТЕКУЩЕГО РЕМОНТА лыж, палок, ремней у лыжных креплений один из лыжников вашего звена в походе должен иметь в своём вещевом мешке пило, буравчик, отвёртку, острый складной нож, лёгкий молоточек, маленькие гвозди и шурупы, сырчатые ремешки, прочный кручёный шпагат, кусочки фанеры и жести.

Обычно ты идёшь на лыжах со скоростью 10—12 километров. Но ты можешь увеличить эту скорость, если заставишь служить себе ветер. Из-

мешковины сделай парус, как показано на рисунке. Поднятый ПАРУС ПОМЧИТ ТЕБЯ СО СКОРОСТЬЮ ВЕТРА.

Хорошо отдохнуть и обогреться на привале у костра. А УМЕЕШЬ ЛИ ТЫ БЫСТРО РАЗЖЕЧЬ КОСТЕР? Сначала сложи пирамиду из тоненьких сухих прутьев, в середину её положи бересту. Когда разгорится тонкие палочки, подкладывай в костёр более крупные хворост.

ПРИКРЕПЛЯЙ КОНЬКИ К БОТИНКАМ так, чтобы лезвие конька приходилось не точно по середине подметки, а миллиметра на два ближе к внутренней стороне ботинка у каблuka и между основными болтами и второго пальца ног спереди. Лезвие конька должно быть длиннее подошвы ботинка не больше чем на 2,5—3,5 сантиметра.

УХОДИ С КАТКА, ВЫТРИ КОНЬКИ ТРЯПКОЙ. Нисуши их на печке. Через полчаса после того, как пришёл домой, снова протри их фланелевой тряпкой. Как только обнаруживешь ржавчину на коньках, протри их керосином.

ЗА КАТКОМ НУЖЕН УХОД. Если вы залили каток в своём дворе или возле школы, назначайте на каждый день дежурных. Они должны убирать каток сразу же после катания, пока нерезанный конёк не замёрз. Сделай примерз к катку. Убирайте сразу и только что выпавший снег. Он тоже может приморозить ко льду. Все небольшие трещины и выбоины, образовавшиеся за день, вечером залейте войлой, а утром буторки и небольшие неровности счисти скребками.

Для уборки вам нужно иметь несколько мётел, деревянных лопат и движков (фанерных лопат шириною в один метр). Движки нетрудно сделать самим.

Сюрприз отряды

Е. Фрадкина

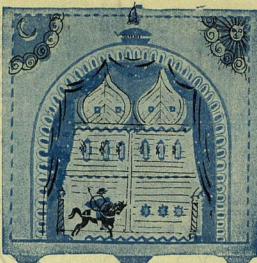
Давайте, ребята, на одном из пионерских сборов устроим сюрприз отряды: покажем свой оригинальный настольный театр. Да только так, чтобы всё было, как в настоящем театре: по-современному оборудованная сцена, освещение, ну и, конечно, интересно придуманный и разыгранный спектакль.

Это не только может хорошо получиться, но и давать такой театр очень весело и интересно. Знаю, в котором кто-нибудь из ребят умеет рисовать, вполне может справиться с такой задачей.

Для начала лучше взять какую-нибудь сказку. В сказках много поводов для перемещения декораций и световых эффектов, что как раз легко и интересно сделать в картонном театре. Мы вам расскажем для примера, как можно поставить сказку Пушкина о мёртвой царевне и о семи богатырях. Вы её помните? Прежде всего нужно соорудить «коробку сцены» — так в настоящем театре называется помещение, в котором происходит представление. У вас это должен быть картонный, а ещё лучше фанерный ящик, у которого сняты крышка и тыл, а боковые стенки, чтобы удобно было переворачивать декорации и фигуры актёров. Нужно только непременно сохранить верхние рейки, скрепляющие ящик. В них вы вбьёте маленькие гвоздики, за которые повесите «кулисы», то есть вертикальные полосы плотной бумаги (на неё мы советуем вам делать все декорации). Так вы скроете от зрителей то, что делается за сценой, «за кулисами».

Под потолком сценической коробки поместите основную осветительную аппаратуру, и тогда вы поднимаете отставленные декорации. Их не должно быть видно из зрительного зала. Поэтому нарежьте ещё три-четыре полосы, как для кулис, и, прикрепив их длинной стороной к тоненьким палочкам, подвесьте одну за другой горизонтально. Так всегда делается в настоящем театре, где такие полосы называют «шпалтами».

В той стенке ящика, которая обращена к зрителям, нужно вырезать «зеркало сцены», то есть арку, оставив вокруг неё довольно широкую раму. Эта рама, обрамляющая зеркало сцены, называется «порталом». За ним

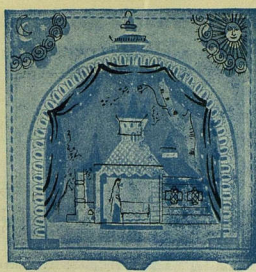
Так выглядит дворец сказочного царя.

обычно висит постоянный занавес театра. Приклейте его наверху к круглой полочке на ней он будет намотываться поднимаясь.

Пол-одна из наиболее работозатратных частей сценической коробки. В нём обычно существует вращающийся круг: он даёт возможность быстро менять декорации. Сделать его очень просто. На листе фанеры или плотного картона при помощи циркуля вы чертите круг: нужного для ваших декораций диаметра, а затем его выпиливаете или вырезаете острым ножом. Наложив этот круг на пол вашей сцены, вы укрепляете его гвоздями в самом центре. Гвоздь будет служить осью, и вы легко сможете вращать круг.

Хорошо сделать ещё круговую дорожку. В фанере или картоне у вас осталась дыра от вырезанного круга. Найдя её центр, вы чертите и вырезаете второй круг, несколько большего диаметра, и получаете кольцо, которое накладываете тоже на пол сцены, так, чтобы оно плотно обхватило первый, уже укреплённый круг. Эту дорожку вы также сможете двигать, и это даст вам большие возможности для движения фигурок.

Размер зеркала сцены мы предлагаем сделать сантиметров 60 в ширину и 50 в высоту, чтобы спектакль можно было показывать сразу большому количеству ребят. А что

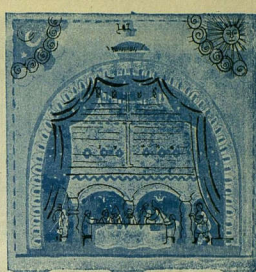
Это теремок семи богатырей в лесу.

маленьком ящике фигурки получаются совсем крохотные. Самый же ящик надо сделать глубоким, примерно в 30 сантиметров, и значительно шире и выше зеркала, так, чтобы поместились кулисы и шпалты. При зеркала в 60 x 50 сантиметров портал должен иметь метр в ширину и не менее 80 сантиметров в высоту.

Посмотрим теперь, как можно разыграть в вашем театре сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях.

Прежде всего условьтесь, кто из вас будет читать текст: кукулы ведь говорить не могут! Затем два человека должны взять на себя ответственную роль рабочих сцены: быстро и бесшумно переставлять декорации и актёров. Затем должен быть осветитель — очень важный работник в театре, который не только тушит и зажигает свет в антрактах, но по-разному освещает все картины. В театре очень многое зависит от света: он определяет время, создаёт настроение, помогает передать пространство. Имея два электрощупа с лампами, выкрашенными цветными лаками в разные цвета, вы сможете многого добиться. Итак, даём зрителям, тушим свет в зрительном зале и начинаем представление.

Перед зрителями дворец сказочного царя. Он нарисован на занавесе, но в нём вырезаны ворота и открыты окна. В одном из них мы видим тоскующую царичу. Она ждёт

А здесь вы видите дворцовые навалы.

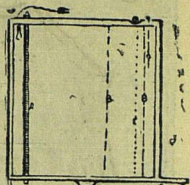
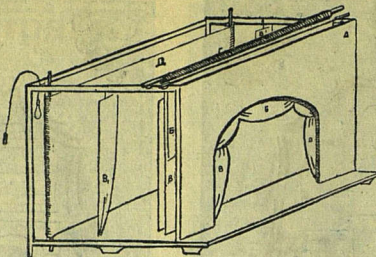
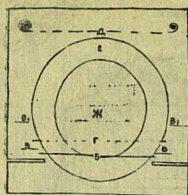
царя. Он появляется, окружённый свитой в правых воротах дворца, Фигуры, поставленные на вертикальном дорожку, как бы проходят по переднему плану и входят в левые ворота, скрываются за дворцом. Окно захлопывается: в сказке говорится, что царича «восхищённая не слезла и к обеду умерла».

Занавес-дворец, приподнимаясь до половины зеркала сцены, открывает нам новую картину: на подставленном «заднике» (так называется всякий занавес, который служит фоном) нарисованы колонны и своды царских палат. Новая картина рассказывает о волшебном теремке-тереме. Раставив на его ответном, что «царевна всех милее, всех румяней и белее», царича, «бравой завистли полна», приказывает дедке Чернашке, которую вы выдвигаете из-за кулис при помощи тоненькой палочки, прикрепившей к фигурке, «вести царевну в глушь лесную».

Занавес-дворец опускается, скрывая палаты. В левых воротах появляется Чернашка величавая царевну. Они проходят по сцене при помощи той же дорожки и исчезают в правых воротах. Занавес снова поднимается открывая теремок семи богатырей в лесу на который набрала царевна, опущенная Чернашкой. Передняя стена теремка только приспособлена к нему: её можно увести в ку

Вот тут перед вами чертежи вашего будущего театра. На первом изображён пол сцены (вид сверху), на втором — общий вид сценической коробки, на третьем — та же коробка показана сбоку. Буквы на чертежах обозначают: А — портал, Б — падуга, В и В₁ — кулисы, Г — занавес, Д — панорама, Е — дорожка, Ж — круг.

лисы. Тогда зритель увидит всё, что происходит внутри. Сказка рассказывает, как злая мачеха подсылает старуху-черицу, которая даёт царевне отравленное яблоко, а верный пёс старается попомнить ей. Эту сцену хорошо можно решить на двигающихся площадках: собаку поставить на круг, а старуху — на дорожку. Двигая обе площадки, мы заставим собаку гнаться за черицей.

Жених царевны королевич Елисей отправляется на поиски невесты. На вороном, богато украшенном коне выезжает он из ворот. Дворец исчезает — и открывается картина леса. Теремок уже убран рабочими сцены. Перед Елисеем — простор, голубая река, берёзы. Обезжая сцену при помощи дорожки, королевич появляется на просцениуме, где загорается Солнце. Оно вырезано в верхнем, правом углу портала и заклеено тонкой бумагой. Солнце загорелось, когда осветитель подставил сзади лампу.

Солнце не видало, куда скрылась царевна, и Елисей едет дальше. На сцене уже ночь: тёмные ели отражаются в озере. Всё дальше едет царевич. Луна заходит за тучу, на сцене новые, невиданные места. Как же это выполнить? А вот как: в самой глубине сцены, в двух углах её, стоят две круглые палочки, в высоту ящика. Их можно вертеть: они свободно стоят в крупных дырках, прорезанных в полу. Между ними длинная бумажная лента, на которой нарисовано всё, мимо чего проезжает царевич. Раскручиваясь с одной палочки, лента наматывается на другую, и получается двигающийся задник, панорама. Посмотрите, на странице 16—17 внизу нарисована такая панорама.

Загоревшийся в левом углу портала Мещак также не указал дороги царевичу.

Наконец буйный Ветер рассказал Елисею, где его невеста:

«Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный».

Тут панорама останавливается.

Сцена пробуждения царевны очень романтична и сказочна. Мы вам советуем показать её через «тюль». У вас это будет калька или восковка. Ею нужно заклеить вырезанную в горе нору. Тогда, если вы выключите общий свет и оставите только луч света из-за панорама, всё, что будет происходить в норе, зритель увидит как бы в дымке. Смягчатся контуры и краски, пропадут ненужные подробности — вы сами удивитесь, какая сказочная получится картина.

Будет интересно, если вы, показывая возвращение Елисея, поверните всю вашу панораму в обратную сторону — царевич возвращается той же дорогой.

Вот он на верном коне въезжает в ворота опустившегося занавеса-дворца. Его радостно встречает царь со свитой. Нет только мачехи: она со злости умерла.

Приподнявшийся занавес-дворец раскрывает нам картину свадьбы. За праздничным столом пируют гости, а вокруг (по круговой дорожке) пробегают слуги.

Вот как можно поставить сказку в картинном театре, ребята!

Многое вам придётся придумать самим, а может, и сделать по-другому. Если вы мастера на выдумки, получите преинтересный спектакль. Показав его на каникулах своему отряду, вы доставите всем большое удовольствие.

Напишите нам, как у вас получилось.

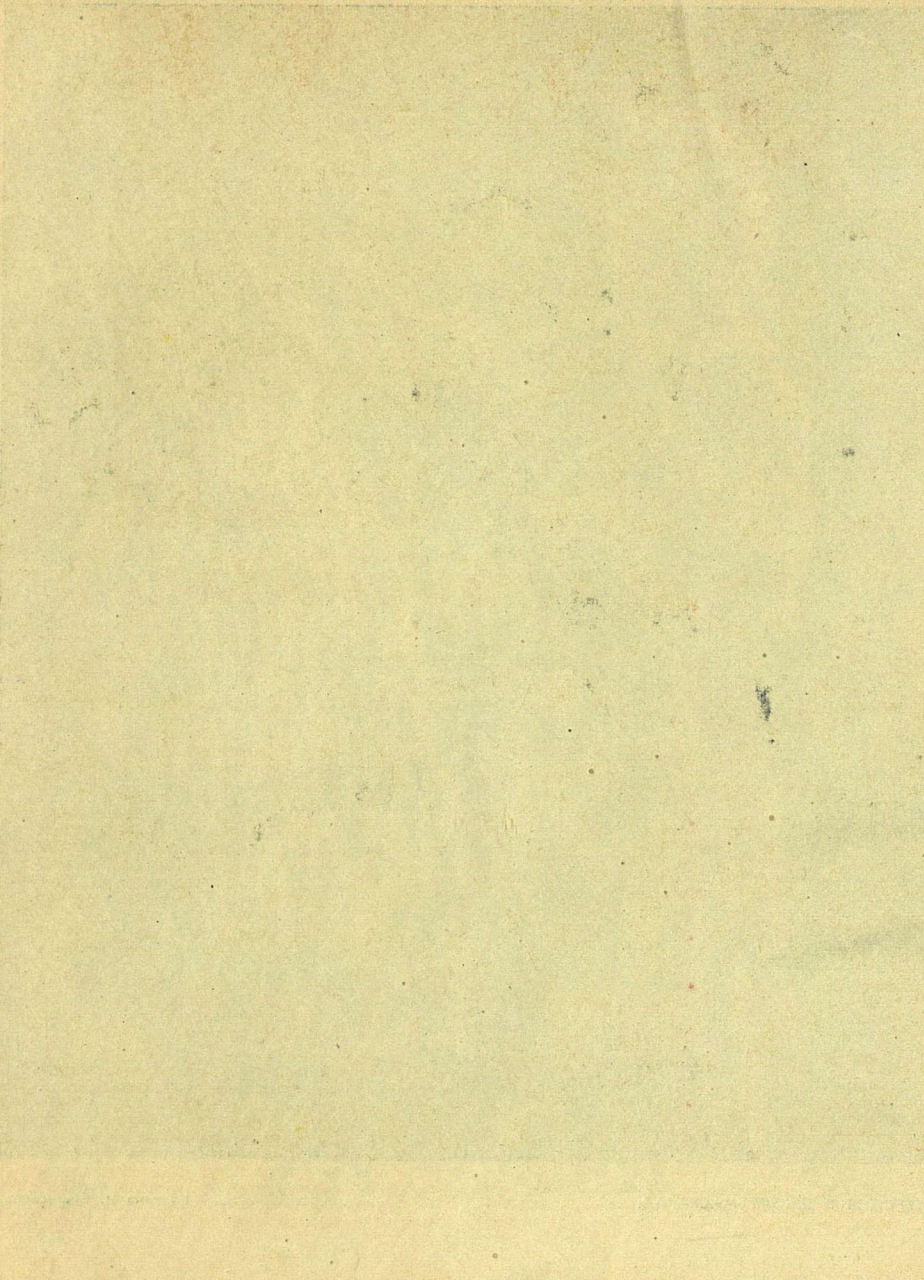

СЕГОДНЯ В ШКОЛЕ МАСКАРАД.

Картина И. Бржекской.

СВЕТ МОСКВЫ

Главы из повести

(Окончание)

Лев Кассиль

Рис. В. Цельмера

КОНИ И ДЖИГИТЫ

И сразу вокруг меня стало темно и спокойно.

— Салам! — сказал кто-то.

Я отдышалась и увидела, что стою в теплушке. Амед держит мой чемодан. А другой, высокий, в косматой шапке, пожилой, подбирает с полу мои рассыпавшиеся из узла вещи.

— Салам! Здравствуй, пожалуйста...

— Ай-ай, думал, не сядешь, — сказал Амед и засмеялся.

И вокруг нас и сверху все засмеялись, свешиваясь с нар. Тут только я стала как следует соображать, что же это я наделала, как я могла на такое решиться...

За моей спиной топтали по деревянному настилу вагона лошади, пахло конюшней — сеном и навозом. Висели торбы с бакромой. С вагонных нар смотрели на меня загорелые, скуластые джигиты. Но среди них были и два русских парня-кавалериста. И один из них крикнул:

— Что же стоите, девушка? Занимайте место, согласно взятому билету!

И Амед торопливо заговорил:

— Правда, что такое, честное слово, ты сидишь, пожалуйста, вот сюда. Эта вот наза,

весь уголок твой будет. Я уже всем сказал. Вот тут попону мы повесили. Видишь, получается чистая квартира.

— Каюта люкс! — крикнули сверху.

— Как же я так поеду? — растерянно бормотала я, оглядываясь. — Ой, что это я, Амед, такое наделала! И ребят бросила... Правда, там на мне только четверо оставались, с ними вполне Катя Ваточкина управится и Анна Семёновна... Всё-таки мне, может быть, лучше спать?..

— За вход и выход на ходу три рубля штрафа! — прокричал сверху тот же весёлый голос.

— Зачем себя так беспокоишь? — увещевал меня Амед. — Что такое, напрасно совсем такое беспокойство! Доедешь совсем хорошо. Бойцы тебя смотри как уважают. Ты у нас гость. Чего боишься?

Мне отвели отдельный уголок, завешанный чапаками, попонами и плащ-палатками, положили мне седло под голову, накрыли нары мягкой кошмой. Сперва я с опаской поглядывала на этих высоких, длиннобровых, скуластых бойцов. Некоторые из них почти не понимали по-русски; глаза у них были дикие, но, когда они смотрели на меня, лица их будто веселели, смягчались. Я несколько раз слышала, как они называли имя моего

брата Георгия. А Амед, счастливый, гордый, помогал мне разложить мои вещи и, довольный, поглядывал на своих джигитов, почтительно и несмело разговаривавших со мной.

— Нас Москва зовёт, — объяснил мне старый Курбан. — Сталин телеграмму давал генералу Павлихину. Туркменские конники, говорят, — очень хорошие джигиты. Большой поход ходили. Помнишь? Теперь народ говорит: немца надо гнать от Москвы...

И долго ещё пояснял мне Курбан, что пошли защищать Москву, куда позвал всех Сталин, самые лучшие туркменские джигиты. А потом мне показывали коней. И лучший среди лучших был, конечно, Дюльдяль.

— О, Дюльдяль! — ласково говорил Амед, похлопывая Дюльдюля по длинной шее.

И конь, кося на меня крупный и яркий глаз, делал вид, что кусает Амеда, осторожно сжимая длинными зубами, видными из-под приподнятой подвижной губы, руку хозяина.

— А нехорошо, Амед, что я ребятам бросаю, а? Неважно это всё... И попадёт мне. Ты только не думай, пожалуйста, что я из-за тебя.

— Конечно. Кто думает! Я понимаю так: в Москву захотелось. Отец там, мать там.

— Просто я считала, Амед, что всё равно не могу без Москвы. А как ты думаешь, отобьют от Москвы? Не пустят?

— Ни за что, нет! Там Сталин. Он как сказал?.. Так и будет! Смотри, сколько народу — все за Москву!

— Я тоже почему-то уверена, что не пустят немцев в Москву. А все-таки страшно, Амед!.. Скорей бы в Москву приехать, — сказала я потом. — Непременно где-нибудь Игоря разыщу. Ты знаешь, Амед, как меня Игорь беспокоит.

Мы долго молчали. Потом Амед спросил:

— Сима, а этот... твой знакомый... Игорь? Он тебе большой друг?

— Конечно, друг... Да нет, ты не то думаешь, Амед, он же в пятом классе. Это пионер мой.

Я слышала, как облегчённо вздохнул Амед. — Ой, Амед, ты ужасно до чего смешной! И я ужасно рада, что так хорошо получилось и мы встретились опять.

Быстро шёл наш поезд. Везде мы встречали зелёные огни семафоров. На третий день к вечеру замелькали знакомые подмосковные поля и лесочки. Тут везде было очень много военных. А поля и равнины до самого горизонта были перечёркнуты рядами противотанковых ежей, сделанных из отрезков стальных рельсов. И по шоссе двигались танки, колонны грузовиков. Чувствовалось, что близко Москва, и Москва не обычная, Москва военная, фронтовая. Это ощущалось уже и по тому, как подтянулись бойцы, как посерьёзтели их лица.

Но всё-таки для меня было неожиданностью, когда под вечер поезд вдруг остановился на какой-то небольшой станции. Раздались снаружи крики команды, загрели по всему составу ролики, на которых, визжа, отодвигались вагонные двери, всё забегало вокруг. Появились тяжёлые доски. Их аккуратно приставили к нашему вагону и ста-

ли по ним выводить осторожно ступающих лошадей. Я выглянула наружу.

К станции подходил уже другой состав. Из него на ходу выскакивали матросы, в бушлатах, с автоматами в руках. Вид у них был такой, как будто они прыгали с полного хода корабля в воду. Они выпрыгивали, скатывались под откос и тут же строились. А пространство вокруг всё было в движении. Разгружали орудия. Рычали моторы, тащили, везли какие-то ящики.

— Рассредоточивайтесь! — командовал кто-то. — Маскируйте транспорт!

На меня никто не обращал внимания. Я стояла у вагона с вещами. Все уже выгрузились и ждали команды.

— Амед, — сказала я, наконец уловив момент, когда он оказался возле меня. — Куда же мне теперь?

Он растерянно огляделся и подошёл ко мне:

— Не знаю, Сима, друг, как дальше делать... Тут Москва близко. Шестидесят километров ещё. С нами нельзя, понимаешь... Как можно с нами? Нас — на фронт. Ну как тебе туда можно?

— Амед...

— Зачем так говоришь? Нельзя никак. Я тебя прошу... Ты поезжай в Москву...

В это время раздалась промкая команда. И все бойцы кинулись по лошадям, которых держали коноводы.

— Прощай, Сима, друг! Будем ещё видеть друг друга. Будем, Сима! Помни, друг будешь, товарищ на всю жизнь. Я верно говорю. Будем? Да?

— Да, да! Будем! — закричала я. — Ты помни. Ты знаешь мой адрес.

— По ко-о-ням!.. По ко-о-ням! — разноголосе зашептали там и здесь вдоль путей. И Амед взлетел на коня, словно не с земли, а откуда-то с ветра принесло его на кожаное лёгкое седло. Дюльдяль, почуяв всадника-хозяина, горделиво вскинул красивую голову, раздул ноздри, прядая ушами, лёгонько осаживаясь на длинные и тонкие задние ноги. Но Амед с внезапно затвердевшим лицом вернул коня на место, выровняв строй.

И опять раздалась команда, и застучали копыта по сухой осенней земле. В последний раз оглянулся и кивнул мне, блеснув глазами из-под косматой шапки, Амед.

НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Как тиха и пустынна Москва! Ни души на улицах.

Я выхожу из подъезда вокзала. Пять часов утра на слабо светящихся вокзальных часах.

Тихи и безлюдны улицы. Нигде ни огонька. И ни одного прохожего. Словно город опустел, как я представляла себе тогда на острове, когда мир вокруг нас погасил все свои огни.

Гулко раздаётся стук моих каблучков по панелям.

Но нет, он не безлюден, мой большой город! Вон на углу там зашевелились две тёмные тени и на мгновение вспыхнула прикрытая сверху ладонью спичка и отразилась в плоском лезвии штыка. А на перекрёстке мерно покачивается фигура в плащ-палатке. И под полой её зажёгся зелёный свет. Проехала че-

Начинает светать. Появляются редкие прохожие.

рез улицу грузовая машина с полупритупленными сиреневыми фарами.

И постепенно огромная тёплая радость разливается по всему моему существу. Москва! Я вдыхаю сырой, холодный утренний воздух, пахнувший бензином, слегка отдающий гарью очага: где-то, должно быть, затопили печку. Нет, ты жива, моя Москва! Дымишь и тышишь, ты только притаилась. И вот я иду по Москве. Мне хочется закричать во всё горло, чтобы знали о моём возвращении. И желание это так велико, что я тихонечко шепчу про себя: «Ура... Я иду по Москве... Здравствуй, Москва! Это я! Ура!».

Начинает светать. Появляются редкие прохожие. Теперь я вижу, что Москва вся наготове. Кругом на склонах Яузы противотанковые ежи, колья, опутанные колючей проволокой, на углах какие-то приземистые круглые будки с прорезами, бойницами, из которых кое-где уже торчат пулемёты. На перекрёстках появились какие-то валы с узкими проходами, заложёнными мешками с землёй. Значит, здесь готовы ко всему. И город не открыт для врага. Никто не застанет Москву врасплох.

Что это?.. В утренней тишине слышатся какие-то всему существу моему знакомые, переливчатые, словно по лесенке сбегающие звуки. Стойте! Да это же бьют кремлёвские куранты. Ветер донёс сюда их далёкий, многоступенчатый перезвон. И я могу слышать их вот здесь на месте, не по радио, а просто так, своими ушами! И я чувствую, что сейчас зареву, просто-напросто зареву от радости.

В подъезде у нас темно, но тут уж я помню каждую ступеньку. Вот сейчас на повороте будет ямка на перилах. Вот она. Всё в порядке. А тут сейчас одна ступенька выбита. Пожалуйста, — вот она, эта ступенька.

Уф!.. Наконец я на нашей площадке. Я сбрасываю с себя узлы, утираю взмокший лоб и осторожно стучусь в дверь. Никто не открывает. Я стучу сильнее — уже не котяшками пальцев, а кулаком.

Падает за дверь цепочка, и дверь приоткрывается. Передо мной стоит человек в синих галифе, в ночных туфлях и в тёплой фуфайке.

— Простите, пожалуйста, это двадцать восьмая квартира?

— Вам кого?

— Мне напих... Крупицных.

— Крупицных выехали, — говорит человек в галифе. — Да вы войдите.

Я вхожу в нашу переднюю. Трюмо в углу завешено газетами, спитыми чёрными нитками.

— Я их дочка, Серафима Крупицная.

— А-а, — говорит новый жилец нашей квартиры. — Входите, я сейчас. Выволат.

Он выходит и сейчас же возвращается, застёгивая на себе военную тужурку, под меховым жилетом-телогрейкой.

— Видите ли, родители ваши эвакуировались. Но я полагаю, судя по их словам, что вы тоже отбыли в эвакуацию. Меня временно поселило здесь домоуправление. Будем знакомы. Майор Проторов.

Он протягивает мне руку.

— Сима, — говорю я.

— Ну, располагайтесь, устраивайтесь. Если хотите чайку, спички вон там у керосинки. Газ выключен временно. Чай у вас есть? Я вам сейчас заварю.

Он гладит бритую голову, ожесточённо трёт щёки, сгоняя сон, возится с чаем. А я стою растерянная.

Вот этого я никак не ожидала. Хорошенькая история! Значит, я в Москве теперь совсем одна? Баласт! Как же я буду жить? Впрочем, там видно будет. Прежде всего надо скорее узнать что-нибудь об Игоре.

— Товарищ майор, а тут один мальчик такой не приезжал? Игорем зовут. Не появлялся?

— Нет, мальчики тут не появлялись...

Плохо дело... Всё в квартире выглядит пустым, нежилым, голым, словно со всего

содрали кожу. Сняты гардины с окон. В гардеробе пусто. Только висит на перекладине моя старая, вылинявшая лента, которой я когда-то заплетала косы.

СУДЬБА ИГОРЯ МАЛИНИНА

Комendant нашего дома товарищ Ружайкин, у которого я решила справиться об Игоре, встретил меня довольно радушно:

— Ага, прибыла, значит? Ну, садись. А я уж тебя поджидал. Погоди, погоди насчёт справок! Вот насчёт тебя самой телеграммочка пришла. Предупреждает. Ты что же это, красавица, на ходу с поезда нырнула? Весёлый разговор, хорошее занятие! А отец с матерью за тебя волнуешь? Андрей Семёнович уезжал, так последние глаза проплакал. А уж мать-то на машину аж замерзла положили: до того убивалась. Легко ли из своей квартиры выезжать, а ты, птичка небесная, перелётная, азад-назад едешь. Только для тебя и поезда ходят?

— Товарищ Ружайкин, я ведь не ради собственного удовольствия! Я приехала, во-первых, потому, что считаю, что раз Москва в опасности, то мой пост тут, в Москве.

— О-о!—протянул Ружайкин, посмотрев на меня сбоку. — Ну, теперь порядок, Крупицына на свой пост приехала. Конец немцу! А то мы без тебя никак тут не справимся!

— Я не знаю, что вам так смешно, товарищ Ружайкин, — сказала я, не на шутку рассердившись.

— Ну, садись, не егози, чего вскочила? Я же тебя пока не высылаю нигуда. А надо бы, по законам-то военного времени, отправить по назначению... А вот как же ты из этой... двенадцатой квартиры Малинина сынишку-то не углядела? Он ведь при тебе был? И вдруг опять тут объявился.

— А вы откуда знаете? Он здесь, Игорь? Приехал?

Я вскочила, чтобы сейчас же бежать к Игорю.

— Да погоди, погоди, далеко бежать придется.

— А где он?

— Вот это уж я у тебя хотел спросить. Пришла, видишь, телеграмма, что сбежал он с вашего эшелона. Ну, значит, я её к делу подшил. Явится, думаю, тут я его, голубчика, спаю, запакую, простемпелую и наложенным платежом отправлю. Жду-пожду — нет его. А тут, понимаешь, озоровать стаи. В сорок третьей квартире, эвакуированной, печать с дверей сорвали, вещишки кое-какие пропали. Ну, а тут подозрение вышло из парня одного. Да ты его знаешь... Васяка Жмырев. Сам-то он подмоковский, из отчаянных. Да повадился ночевать тут, в доме пятнадцатом. Ну, стали мы его легонько шупать, а он говорит: «Причём, — говорит, — я тут? У вас», — говорит, — на чердаке подозрительные лица живут». «Какие-такие «подозрительные лица»? А такие, — говорит, — числятся в эвакуации, а, между прочим, находятся тут». Сделали мы обход, и что же ты думаешь, застукали на чердаке Малинина сынишку, этого самого Игоря!

— Игоря?.. Не может быть! — вырвалось у меня.

— Может быть, раз я говорю. Квартира-то Малинина запечатанная. Он, верно, сунулся. Деваться-то некуда, а он тут все ходы-выходы знает, ну и поселился на чердаке. Ну, привели мы его к нам в комендатуру, следовательно, разговариваем. Так-то, конечно, при нём ничего не нашли. Только свои вещишки и были. Я зря тень на парня наводил не стану. Он мальчишка хотя срывной, но насчёт плохого озорства — ни-ни. Строгий. Зёрнышка чужого не возьмёт. Тоже, понимаешь, Москву защищать приехал, вроде тебя. Ну с ним-то у меня разговор покороче был. Я живенько соизволил с комендантом вокзала, просил его выправить билет. Как раз там один эшелон отходил. Поехал уже оформлять. Ну, а этого Игоря посадил тут у себя, поесть ему дал. И для всякой пожарной случайности на ключ запер. Прихожу обратно, — только тогда Игоря и увидел. Окно, понимаешь, открыто, и как он, галчонок, с такой вертутуры вылез, уму непостижимо! Удрал. Была мне через этот случай конфузия... Конечно, дела я так не оставил. Ищем. Везде я заявил.

— А от отца его, с фронта, ничего не было?

— Нет, от него почты не имеется. Ну, иди, устраивайся. Жилец-то я к вам поставил на время. Военкомат просил, у них служит. Жилец тихий, обстоятельный. По крайней мере, квартиру бережёт, лучше, что человек свой.

Несведёлая вышла я от коменданта. Бедняга Игорь! Наверное, натерпелся мальчуган...

Как-то утром наш комендант пришёл ко мне. В руке он держал жёлтый конверт треугольничком.

— Вот какое дело, Сим! — озабоченно начал Ружайкин. — Малинина след объявился. Вот на, прочти.

Я схватила жёлтый конвертик из оборточной бумаги, вытащила из него исписанную крупными, неровными буквами разграфлённую страничку, выдернутую, должно быть, из какой-то конторской книги.

«Команданту домового правления дома № 17.

Пишет вам Шубина Арина Парфёновна. У меня находится ваш мальчик из domu № 17, квартира 12. Он был больной. Болен похоже тифом. Он был у одной молочницы в холодном сарае. Совсем пропал. Есть такие ещё люди — не имеют сожаления. И нет сознательности. Он отстал от поезда, когда эвакуировали. А я, конечно, его взяла, приютила. Выходила. Фамилия его Малинин. Звать Игорь. Он из вашего дома. У него отец на фронте. Командир. А я живу сейчас в Кореванове при музее, как моя квартира в Москве была разбомблённая. Средств у меня нет. Мальчик раздетый, разутый. Питание тоже слабое. Ему нужна поправка. Не знаю, куды с ним податься. Может, надо ему пропуск выправить в Москву. Окажите ваше сочувствие, чтобы дать помочь.

К нему остаюсь Шубина».

— Что делать будем? Каково будет решение? — спросил Ружайкин.

— Я сейчас же туда поеду, — объявила я. — Дайте мне справку из домоуправления, а майор Проторов мне через военкомат устроит пропуск. В эту зону без пропуска же нельзя. Я знаю.

И я помчалась хлопотать. Меня отговаривали, но я и слышать ничего не хотела. Так была я рада, что Игорь нашёлся. Я решила тотчас перевезти его в Москву. Он, наверное, ослабел после болезни, и ему нужен особый уход.

Поезда до Борок уже не ходили, но меня по моему пропуску довезли на грузовике какие-то красноармейцы. Чем ближе я подходила к Кореванову, тем сильнее меня охватывало чувство особой настроенности, которое наложило отпечаток на всю эту округу. Людей почти не было видно. Тянулись колья, опутанные колючей проволокой. Кругом шли рвы, с крутыми срезанными краями. Часто под голым кустом что-то начинало шевелиться, и вдруг я замечала там нору, из которой на дорогу внимательно глядели два глаза и чёрная дырка пулемётного дула.

И вдали что-то непрерывно ворочалось, перекатывалось. По всему горизонту, осеннему, неприятному, шёл неутомочный гром. Это не было похоже на drobный перестук зениток во время воздушной тревоги. За горизонтом шла какая-то тяжёлая, трудная, погромыхивающая работа, не затихающая ни на минуту. Я знала: там фронт.

И вот, наконец, я сидела на табурете в сторожке музея, перед кроватью, на которой, свесив ноги, не достающие до полу, сидел похуевший, стриженный, бледный Игорёк.

Мы уже обо всём поговорили с Игорем, обо всём! А он всё не выпускал моей руки из своих и перебирал похуевшими пальцами мои пальцы. Да, видно, крепко натерпелся он! Но каким негодяем оказался этот Жмырьев! Он помог Игорю убежать тогда от команданта, привёз к себе в деревню, тут он сперва пытался замешать Игоря в свои тёмные дела, хотел заставить его пролавать краденые вещи, а когда тот не согласился, стал отнимать у него то платок, то рубашку, то пальтишко, сбывая их где-то. Когда Игорёк заболел, Жмырьев выслал его в сарай, заявив, что он в доме не может держать заразного. Хорошо, что Ариша случайно увидела мальчика у Жмырьевых. Игорь узнал её, вспомнил, что она работала у Распечей. Женщина сердобольная, тётя Ариша взяла его к себе.

Игорь был полураздет, но я привезла ему немножко вещей, полученных у команданта. Я решила немедленно взять Игоря в Москву. Но короткий осенний день уже кончался, а нам надо было как-нибудь добраться до поездов. И мы решили остаться до завтра, заночевать тут, чтобы утром ехать с Игорем в город.

Быстро густели осенние сумерки на дворе усадьбы, и мрачен был заснеженный парк, а в нём старинный дом с белыми колоннами, с наглухо закрытыми ставнями.

Далеко над горизонтом проступало зарево, то разгораясь, то угасая. Над головой высоко, где-то под самыми осенними звёздами, ныли моторы самолётов.

Мы сидели в маленькой натопленной сторожке, шумел самовар, разомлевшая от чая Ариша лениво слушала наш разговор.

И каждый раз, когда Ариша выходила за чем-нибудь из горницы, Игорь, торопясь, шептал мне:

— Вот папа когда вернётся, я ему расска-

жу, как ты ко мне хорошо относилась, Сима... Ты знаешь, Сима, ты мне лучше, чем сестра. Вот как тебе Распечей был, так ты мне... Честное слово! Я тебе всю жизнь буду во всём помогать. Знаешь, как я рад, что ты за мной приехала!

НА ОТНЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Ночью я проснулась от тяжёлых и гулких ударов. Мне казалось, что пушки били теперь у меня над самой головой. Я открыла глаза. Шаль, которой было завешено окно, просвечивала какими-то бегущими огнями. Мне показалось, что два огромных глаза смотрят на меня, вперившись прямо в лицо. Они делали всё больше и больше, и в комнате стало светло от них. Они приближались, оглушительно скрежеща и рыча. И вдруг исчезли. В комнате стало темно, наступила тишина, сквозь которую я услышала гулкую беготню во дворе, быстро переговаривающиеся голоса и топот многих ног. И опять над самой головой раздалась тяжёлая удара. Теперь я поняла, что кто-то стучит кулаком в дверь.

— Тётя Ариша, тётя Ариша, — стала я будить Арина Парфёновну.

Она вскопчила с лежанки, заметаюсь со сна и, причитая, побежала к дверям:

— Кто там... Батюшки!

Сильный голос пролаял за дверью что-то непонятное. И опять дверь затряслась от страшных ударов.

— Да, господа боже мой, сейчас отомкну, погодите вы, — бормотала в перепуге тётя Ариша.

Грохнула щеколда, пахнуло свежим воздухом, в сенях упало ведро, затопали крупные мужские тяжёлые шаги, и мне в глаза ударила спящий и колющий свет. Я зажмурилась. Но и закрыв глаза, я чувствовала, как по моим векам, по лицу скользит, словно ошупывая, луч электрического фонарика. Вошедших не было видно в темноте. Только по полу, по кровати, по стенам скользили два светлых круга. Они сходились, разбегались, шныряли по всей горнице, и от них шли прозрачные конусы, острыми своими вершинами: упиравшиеся в две ослепительных точки, которые то взлетали, то опускались. И свет фонарика выхватывал то край белой печки, то перекошенное от ужаса лицо Игоря, то вдруг в луче ярко загорался самовар.

— Свет нет? — раздался хриплый голос откуда, откуда шёл свет. — Русский зольдат нет? Это кто есть?

— Да детишки, господа солдаты, детишки, племянница с племяншкой, вы их уже не пугайте! Мальчик-то больной совсем, только после тифа.

— Зидеть тут, — рявкнул голос из-за фонарика, — зовсем тихо! Ходить никому нет. Понимать?

— Понимать, понимать, — отвечала тётя Ариша.

— Зо! — крикнул немец.

Фонари упёрлись лучами в дверь, осветили щеколду, опять пахнуло холодом, дверь захлопнулась.

А на улице, во дворе, в усадьбе, продолжалась какая-то возня, слышались слова команд, урчали моторы. Мы сидели, онемевшие от

ужаса. Только Игорь проснетца то, что было и без того ясно:

— Немцы...

Никто из нас не заснул до утра. А когда рассвело, зябко и блекло, а тихонько приоткрыв на окне шаль и выглянула во двор. Всё было замидевшим, роился в воздухе лёгкий снежок. Но мне показалося, что всё выглядит уже не своим. И дом, на окнах которого все ставни были распахнуты, и железные засовы висели словно вывихнутые, и сама осенняя, запорошенная снежком земля со следами чужих ног, обутых в ботинки, подбитые выпуклыми гвоздями. Ограда была проломана, прямо перед сторожкой стоял небольшой танк, башня его была повернута вбок, и орудие направлено в парк. На башне хорошо был виден жёлто-чёрный крест, а две маленькие и злые фары уставились на сторожку. Это их свет и видела я через шаль на окне. По двору ходил часовой. Другой стоял у колонн.

Как мы узнали потом, немцы глубоко вклинились на участке Кореваново и выбросили здесь свой танковый десант.

Мы были теперь отрезаны от Москвы.

Утром в сторожку завалился пухлый рыжеватый немец с маленьким красным носом пугачикой и совершенно розовыми бровями.

— Здрав-твуй-ти! — старательно прокартавил он; верно, в его познаниях русского языка смешались «раз-два-три» и «здравствуйте». — Я есть денщик обер-лейтенант Отто Штруппф, который есть штаб-ваз больший дом. Надо вода, надо дрова.

И немец ушёл, хлопая ладонью по спине тётю Аришу, которая повела его к колодцу.

На другой день толстый немец опять явился к нам сияющий и сказал:

— Скоро ехать дальше! — Подмигивая, он махнула рукой по направлению к Москве. — Москва капут! Фью!.. — и он сделал в воздухе такой жест, словно зачеркивал что-то.

— Врёт всё, — зашептаа мне Игорь. — Просто агитирует.

Всё же это было самое страшное. Нам казалось, что фронт, перемахнув через места, где мы находились, откатывал свой грохот всё дальше и дальше, к юго-востоку, всё ближе и ближе к Москве. Но потом звуки фронта как бы остановились. Они не удалялись и не приближались. Утром они были там, где были вчера вечером, и вечером мы слышали отзвуки боя на том месте, где раздавались они утром.

ЗНАКИ ЗОДИАКА

К ночи нас выгнали из сторожки. Мы переебрались в маленькую пристройку. Это была летняя кухня. Там стояла большая печь, но стены были тонкие, в одну доску, со щелями. А на дворе уже начинала лютать декабрь. Выпал снег. Ночью у нас зуб на зуб не попадал от холода, хотя мы спали все вместе на печке одетыми, укрывшись чем толще можно было. В кувшине на столе замёрзла ночью вода. Игорь стал кашлять. Я очень тревожился, что он опять разболеется.

Утром Игорь, придя с улицы, прикрыл наше маленькое окошко старой газетой (шаль тётю Ариши уже носил вместо каптне денщик обер-лейтенанта), тайносно отозвал меня в сторону и вдруг вынул из-под полы бумаж-

ку. Мы оба склонились над ней. То была партизанская листовка. В ней говорилось, что весь народ встал на защиту Москвы, защитники стоили твердо стоят на своих рубежах, а немцы распространяют ложные, провокационные слухи о падении Москвы, и граждане не должны им верить. Скоро придет час расплаты с немцем под Москвой...

Игорь сказал, что такие листовки были расклеены сегодня ночью на многих заборах и сараях Кореванова. И немцы бегут кругом и сдирают их отовсюду.

Значит, наши действуют где-то поблизости, рядом.

Я пока решила ничего не говорить Игорю, но стала обдумывать, каким способом можно установить связь с нашими.

Игорь тем временем ещё и ещё раз перечитывал листовку, шевеля беззвучно губами. Должно быть, заучивал наизусть.

— А немцы их везде уже посырвали, — огорчнно произнес он потом.

— Они посырвали, а мы с тобой их на место водворим, — шепнула я ему. — Раз уже попали сюда, давай хоть так действовать, Игорёк. Согласен?

— Конечно, Сима! Давай действовать! — с восторженной готовностью согласился Игорёк. — Знаешь, как мне действовать охота! Только, где же их достанем? Одна только, да и та уже порванная.

— А для чего нас с тобой советская власть грамоте учила?

Я вынула из стёганки свою бригадирскую тетрадку, выдрала несколько страниц, плотно завесила окно, проверила, хорошо ли приперта кокергой дверь.

— Ну, Игорёк, бери карандаш. Быстро вдвоем переписишем, размножим. Только уж, пожалуйста, прошу тебя, без ошибок!

Мы взялись за работу. Переписывали по очереди: один писал, другой дежурил у окошка, следя, не подойдёт ли кто из немцев к нашей пристройке.

Через три часа на деревьях, домах и заборах Кореванова белело не менее десятка маленьких листовок, мелко исписанных печатными буквами и приклеенных хлебным мякишем. Мы собрались уже идти к себе, но Игорёк сказал, что он сейчас вернётся, и убежал куда-то.

Я пошла к усадьбе. Навстречу показались тяжёлый немецкий грузовик. Посторонилась и сошла на обочину дороги, чтобы дать проехать машине. Да так и застыла там! На заднем борту кузова проезжавшего грузовика белела наша листовка. Я даже успела прочесть первую строку: «К советским людям!».

Через несколько минут появился Игорёк.

— Игорь! Это ты сообразил на машину?

— Видала? — спросил он, хитро прищурившись. — Здорово? А что?.. Пусть сами развоят. Я за них беспокоиться не обязан.

— Смотри, Игорь, чтобы этого больше не было! Ты что? Попасться хочешь?

— Ладно уж, не буду, — протанул он и, пытливо взглянув на меня, лукаво подмигнул: понимаю, мол, обязанность твоя такая — ругать меня, а сама, небось, довольна.

Поздно вечером мы пошли в парк собирать хворост. И встретились там с Василием Жмыревым. Он, видно, поджидал нас.

— Слушайте, идите-ка сюда, — прошептал он, оглядываясь и подзывая нас к себе. — Вот что, слушайте, что я вам скажу. Тут с листовками этими может получиться форменная труба мне.

— Какими листовками? — спросила я, сделав удивлённое лицо и осторожно тронув локтем Игоря.

— Ну будет тебе в жмурки-пряточки играть, — окрысился Жмырев. — Вам игрушки, а для меня может выйти ерунда окончательная. Немцы с обыском кругом ходят. А у меня под печкой эти ваши бумажки лежат.

— Какие бумажки? — изумилась я, на этот раз действительно ничего не понимая.

— Ну, эти, как их... — пояснил Жмырев, — которые на острове-то зарыты были, горископы что ли.

— А как же они к тебе попали?

— Ну, как попали, как попали... Чего же тут долго разговаривать сейчас. Не время старое ковырять. Попали — и всё. Хочешь знать, — спроси потом вот его, зачем он туда лазил.

— Кто лазал? — смутился Игорь. — Ну, если и лазал, тебе какое дело?

— Да куда лазал? — я совсем была сбита с толку.

— Да он, слышишь, Сима, весной, когда снег ещё сходил, пустился туда на остров, — объяснил Жмырев. — А я часом подглядел. Вижу: копаются. Как он ушёл, я думаю, чего это он там на острове копался? Взял меня интерес. Ну я после на лодке пошёл туда и достал. Ерунда, в общем, чего и закапывать-то было? А теперь, понимаешь, лежат они у меня под печкой. А свободно может быть обыск. Скажут ещё: агитация.

— А боишься, так сожги. Что тебя, учить надо? Как воровать...

— Да, «сожги», — передразнил Жмырев. — Хорошо тебе говорить, а у нас в избе четверо немцев живут. Один больной целый день на скамейке лежит. Как я при них бумаги жечь буду?

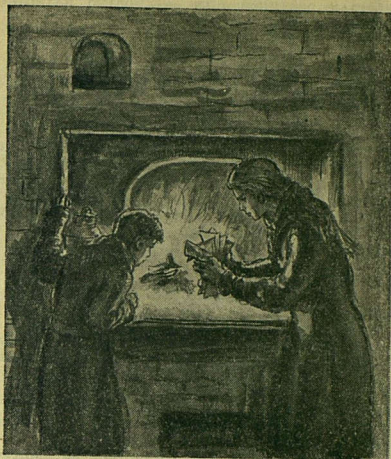
— Чего же ты хочешь от нас?

— А того хочу, чтобы вы их у меня забрали сами. Попадётесь, — вы в ответе. Я и знать ничего не знаю. Скажу, подкинули. Пройдёт дело, — ваше счастье. Только я сам выносить не буду. Тут через такую чепуху загремишь ещё на тот свет.

Я была в затруднении. Проще всего, конечно, было оставить бумажки под печкой у Жмырева. Но вдруг действительно будет обыск. Тогда Жмырев, конечно, не постесняется запутать нас, чтобы спасти свою шкуру. А как вынести наши «загалки» от Жмыревых? В конце концов мы решили так: Игорь завтра пойдёт, будто за молоком, к Жмыревым и возьмёт с собой бидон. А Вася скажет, что молока нет, и незаметно сунет ему в бидон наши документы. Конечно, никто не заметит. Ну, а мы сожжём их у себя, в печке у тёти Аршицы.

Я всё-таки очень волновалась, ожидая завтра возвращения Игоря от Жмыревых. Несколько раз порывалась я пойти к станции навстречу Игорю. Но я понимала, что делать этого не надо. Сам Игорь сделает всё один менее заметно.

Наконец он явился. Уже по бледной, по сияющей физиономии его я поняла, что всё

Мы оба с Игорем склонились над бумажками.

прошло благополучно. Как я накинулась на него!

— Ох, Игорёк!.. Игушка, ты лягушка отвратительная! Ну что ты так долго? Совсем ты меня извёл тут. Уж я себя ругательски ругала, зачем я согласилась и позволила тебе идти...

— Ну, да, зачем, — усмехался, дуя на зажёжённые пальцы, вылезавшие из рваных варежек, довольный Игорёк. — Сказала тоже. Знаешь, как я ловко всё это обделала! Даже тот больной фриц, который у Жмырькова в избе валяется, и тот ничего не заметил. Знаешь, Сима, я думаю, мы лучше не сожжём, а почитаем и потом зароем где-нибудь.

Но этому уж я решительно воспротивилась. Я боялась, что немцы всё же могли заметить, как Игорь всовывал бумажки в бидон. Да и Жмырев сам мог что-нибудь сболтнуть.

— Нет, Игорёк, — сказала я, — как ни жаль, а придётся нам расстаться с нашими загалками. Печка топится, давай сюда скорее, что принёс. Сейчас не до игрушек.

Игорёк вздохнул и стал открывать бидон, ворча, что всё это совсем не игрушки, а пионерские документы и жечь их — это уже последнее дело. Я взяла у него из рук бидон, холодный и уже сразу запотевший, и поставила на шесток. Потом я закрыла газетой маленькое окошечко, глядевшее во двор, плотно прикрыла дверь и задвинула когеру в ручку, чтобы нельзя было открыть. Перевернув бидон вверх донышком, я встряхнула оттуда свёрнутые в трубку бумажки. Они вывалились из бидона, пожелтевшие, пахнувшие сыростью, испещрённые бурыми пятнами. Мы оба с Игорем склонились над ними, с нежностью перебирая бумажные листки, рассматривая слинявшие, выведенные цветными карандашами знаки Зодиака, и наспех про-

бегали разноразные, аккуратно исписанные странички.

Первым попался «гороскоп» со знаком Водоея — Дёмы Стрижакова:

«Я загадал, что в учебном 1940/41 году:

Научусь понимать природу и Тургенева. Запомню наизусть не менее пяти стихотворений Маяковского.

Приучусь выступать на сборах (короче).

Посмотрю не менее трёх спектаклей в МХАТе и прочту биографию Станиславского.

Напишу «Историю нашей улицы» для конкурса пионеров «Москва — сердце Родины».

Сделаю не менее 12 больших хороших дел (общественных).

Поправлюсь в лагере на три кило».

А вот почерк Лиды Сокольской, значок — Вёсы:

«Активно стану помогать отряду в школе. Добьюсь доверия Симы во всём.

Налажу отношения с В. М. (Скорпионом).

Полобю за этот год серьёзную музыку больше, чем танцы. Вообще стану меньше думать о внешности.

Забуду навсегда Зину Н. из 8-го «Б».

Перестану бояться трудностей и препятствий в жизни, трусить темноты и мышей (за крысы в этом году ещё не ручаюсь»).

Несмотря на то что в пристроечке нашей, после того как я закрыла газетой окошко, стало почти совсем темно, я всё же заметила, как покраснел Игорь, когда я вытащила из кнпы бумажек листок, исписанный угловатым, неровным почерком. Сверху стоял знак Козерога. И я прочла:

«Я загадал себе и твёрдо решил, что в учебном 1940/41 году:

Начну регулярно заниматься утром гимнастикой и сдам на пионерский значок «ГТО» первой ступени.

Буду хорошим пионером и выполню все задания в отряде.

Начну с этого года готовиться в комсомольцы, чтобы заранее развить свою стойкость и дисциплину. Достану и прочту книги про великих революционеров. А также про Чкалова. Стану брат с них пример.

Не буду (тут было сверху вписано: почти) иметь замечаний от Симы.

Пойму как следует устройство всего неба. Прочту все книги, которые даст по астрономии Сима.

Научусь сочетать фантазию с тем, чтобы не врать.

Решу определённо, кем быть в жизни, на кого учиться после школы (на астронома, пограничника или автоконструктора).

Стану выдержанным и у всех людей буду уважать личность. Начну уважать девчеч... (зачёркнуто) девочек, относиться к ним по-товарищески и больше не считать их всех балболокми (кроме Шури Т. из 5-го «Б»).

Выработаю твёрдый характер и исправлюсь по арифметике, чтобы иметь в году по этому предмету «хорошо».

Последнее слово было сперва подскоблено, потом зачёркнуто и написано ещё раз твёрдой рукой...»

— Смотри, Игорёк, — проговорила я, — а ты ведь как будто немало выполнил из того, что загадал себе?

— Ну, Сима, — смущённо пробормотал он, — не всё уж так, как задумал. Правда, насчёт

гимнастики и по астрономии — это у меня сбылось. А вот в смысле фантазии я всё ещё немного невыдержанный. Верно Сима? Но я хотел это окончательно загадать как раз на следующий год.

Нет, не до того мне сейчас было, чтобы поверять, выполняли ли мои пионеры свои «загадалки». Но когда я теперь, в холодной промороженной пристройке, перебирала эти бумажки, освещённые шатким пламенем печи, на нас пахнуло чем-то таким далёким, родным и тёплым, что у меня сдавило горло... Как они там, мои ребята, Зодиак мои, без меня, в далёком уральском интернате? Что они сейчас делают? Простили ли они мне бегство, получив моё письмо из Москвы, где я им попыталась объяснить, что заставило меня вернуться в Москву. Верно, им и в голову не приходит, что в эту минуту их вожатая тихонько проливает слёзы над «загадалками» пионеров 5-го «А» класса, а за тонкой досчатой стеной слышится лающая немецкая речь и декабрьский снежок нехотя ложится на огнутую у нас врагом землю...

— Сима, — чуть слышно сказал Игорёк. — Я тебе хочу сказать... Я ведь тогда, правда, на острове в тайник лазал до вост. Только, честное слово тебе даю, я чужие «загадалки» не брал. Я у себя переправил тут. У меня было написано, что я по арифметике на «отлично» исправлю. А потом я увидел к весне, что не смогу: «хорошо» только будет. А я человек слова. Я точность люблю, если даже и мечтаю... Ну, мне совестно было. Лишнее загадал себе. Я тогда и отправился на остров.

— Ох, Игорь, Игорь, — укоризненно вздохнула я.

— Да, Сима, знаешь, там уже тогда лёд пошёл, я чуть не потонул, — торопиво, чтобы уж скорее поведать мне всё то, что его мучило, рассказывал Игорь. — Но я только своё посмотрел и переправил, а в другие — как хочешь: можешь верить, а можешь нет — не заглянул даже. А Жмырёв подсмотрел, что я лазал, и украл... — он остановился, потом спросил совсем упавшим голосом: — Ты мне теперь, Сима, ни в чём уже верить не будешь, да?

Ну что я должна была сказать ему?..

— Нехорошо, конечно, Игорь. И как ты мог столько времени всё скрывать? Ну да ладно уж... Раз сам признался, давай теперь загадаем уж навсегда, что больше таких штук делать не будешь... А сейчас, Игорёк, придётся всё это в печку.

Я собрала все листочки вместе, сжала их в руке и бросила в огонь. Они вспыхнули.

— Ну, что же, Игорёк, — сказала я, — ну что же делать... Вот горят наши «гороскопы». Но ведь то, что мы загадали в них, всё давно уже исполнилось. И никаким огнём из нас этого не выжечь. Разве можно спалить то, что мы вообще себе в жизни загадали?! Ничего, Игорёк, сгорели только бумажки. А у нас внутри всё цело. Верно? Мы ещё не то загадаем. И у нас ещё не то сбудется, вот увидишь! Вот ты как рассуждай.

— Я рассказваю, Сима, — тихо согласился со мной Игорь, — только всё равно жалко.

Весь день он ходил грустный, а потом сказал, что у него болит голова, и забрался на остывшую печь. Я накрыла его всем, что у

нак было. Но он всё вздрагивал, кашлял и никак не мог согреться.

На другой день он поднялся бледный, с сизыми кругами под глазами. Какие-то нехорошие тени легли вокруг губ, ставших серыми, и огромные были глаза, которые теперь, казалось, занимали пол-лица. То и дело его начинало трясти.

Надо было на что-то решаться. Но как бороться с больным, ослабевшим мальчуганом!..

Днём Игорьёк вышел во двор; всё равно в пристройке нашей было ещё холоднее, чем на улице. Вскоре он явился замёрзший, долго тер щеки, грея руки у печки, но я чувствовала, что его взбодрило что-то. И в больших серых глазах его появился блеск, похожий на тот, что всегда освещал прежде лицо Игорька.

— Сима, — азартно оглядываясь вокруг, сообщил он мне, — знаешь, что я тебе скажу. Сима, — можешь верить, можешь не верить: немцы сегодня не в себе, какие-то полоумные. Сейчас там ходил, вижу: через окно этот ихний длинный всякие бумаги на столе собирает, связывает и в какие-то ящики бросает. А пушки, слышишь, сегодня ближе бьют. И как пушка ударит, так этот длинный всё в окошко посматривает. А потом машина подошла. Денщик толстый и ещё два солдата стали всякие вещи туда выносить. А главное, я вижу, Сима, они все какие-то перепуганные. Все торопятся, друг на дружку тыкаются, к телефону бегут и всё в ту сторону поглядывают, где пушки стреляют. И знаешь, Сима, бумажки собирают, — да в печку, печку! Вот и им жесть в печке теперь приходится. По-моему, Сима, они определенно драсть собираются отсюда. Пускай знают!.. А машины-то всё едут совсем не в ту сторону, где Москва, а как раз наоборот.

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ

На дворе уже темно, когда я вышла посмотреть, что происходит в усадьбе. Холодный ветер бросил мне в лицо колючую, снежную пыль. Где-то, как будто очень близко, ухали орудия. Мне показалось, что они сегодня бьют ближе и словно не в той стороне, где слышались вчера, чутько южнее. А может быть, просто ветер сегодня повернулся?..

Во двор то и дело въезжали машины, из них выскакивали офицеры, скрывались в подъезде дома, быстро возвращались обратно, и машины, взяв с места большую скорость, воя и гремя цепями, выезжали со двора.

Нет, ей богу, Игорь, кажется, был прав. Толстый денщик, кряхтя, вынес большие чемоданы и погрузил их на подвешавшую машину. Потом на крыльце появился длинный обер-лейтенант, в шинели с поднятым воротником; на руках у него были варежки тёмной Ариши, я их сразу узнала по красным полоскам. Шею он обмотал толстым шарфом, похожим на купальное полотенце. Офицер что-то приказал солдатам, и они стали таскать охавками солому и обкладывать ими старый дом. Офицер вернулся обратно в комнаты, а солдаты всё продолжали носить солому.

Я поняла, что немцы собираются зажечь Кореваново. Солдаты, обложив соломой ста-

ринные колонны террасы, тащили охапки к сторожке и к нашей маленькой пристройке. Другое чем-то мазали стены дома.

В это время на крыльце снова появился длинный обер-лейтенант. Он что-то крикнул солдатам. Двое из них уже с факелами, за которыми волочились космы багрового дыма, подошли к дому. Я представила себе, как вспыхнет старинный дом, как обожётся пламя вокруг белых колонн, загорится сторожка, потом наша маленькая пристройка, где на печке трясётся в ознобе больной Игорь. Что было делать? Как предотвратить всё это? Полная непонятная решимость, я бросилась к крыльцу и оттолкнула одного из факельщиков, я уже сама себя не помнила от отчаяния.

— Что вы делаете?! — закричала я. — Это же музей. Это же... Послушайте...

Я видела при свете качнувшихся факелов, как длинный офицер с ленивым любопытством прищурился в мою сторону. Солдат с факелом, которого я толкнула, схватил меня за руку и грубо оттащил в сторону.

И вдруг кто-то маленький разъярённо выскочил из темноты, кинулся в освещённое пространство к солдату и сразбегу обеими руками уперся в солдата так, что тот выпустил меня.

— Не трогайте вы её!..

И я вся похолодела, узнав Игоря.

Солдат бросился к нему, но длинный офицер что-то крикнул и медленно, как бы нехотя ступая длинными ногами, сошёл с крыльца. Он взял у солдата факел и с тупой безразличностью рассматривал некоторое время Игоря.

— Что такое? — спросил офицер.

Он неспеша отдал факел солдату, снял с правой руки полостатую варежку и коротким движением от себя ударил Игоря по щеке внешней стороной кисти. Глаза Игоря налились слезами, розовыми от света факелов, он громко глотнул, но ничего не сказал. Офицер медленно отвёл руку направо, повернул её открытой ладонью в сторону и тыльной частью нанёс удар Игорю по другой щеке.

— Ну, может быть, ты имеешь желание ещё один раз повторять?

— За что вы его?! — крикнула я офицеру. — Что он сделал?

— Дурак вонючий, фашист собачий! — вдруг со злобой прошептал Игорь. — Чего вы дерётесь? — проговорил он уже громко.

Офицер размахнулся и ударил Игоря теперь уже наотмашь. Игорьёк отлетел в сторону, поскользнулся и упал на снег. Я кинулась к Игорю, зажимая ему рукой рот. А он силился подняться, отталкивал меня и вызывающе упрямо мычал мне в ладонь, сквозь зубы:

— И дурак... Все равно, дурак, сто раз дурак! Пусти!..

Обер-лейтенант шагнул к нему, схватил за шиворот, а другой рукой вырвал из заднего кармана своих брюк пистолет. Я бросилась, что-то отчаянно крича, отталкивая руку с пистолетом, стараясь заслонить собой Игоря. И вдруг в нескольких шагах от нас с силой и страшным свистом рассекло воздух. Спящий удар потряс землю, отбросил меня в сторону. Раздался сей-то вопль, посыпались исполошённые голоса немцев. Тотчас же сно-

ва тяжело охнула вся земля под нами, бешено рванулся отвердевший воздух, я опять повалилась на снег. И стало очень темно и тихо. Я почувствовала невыносимую боль в голове, и словно что-то обвалилось в моей памяти, потому что, когда я снова стала понимать, что происходит, вокруг нас были молчаливые, высокие деревья. Где-то позади хлопали выстрелы, а я бежала, я тащила за руку спотыкавшегося Игоря, молча тянула его за собой. Над нами в морозном воздухе нет-нет да и цвиркало что-то и, как тяжёлый жук сослепу, тыкалось, громко щёлкнув, в ствол. И пала сбитая с дерева ветка.

Кружилась голова, странно мягчели ноги, и каждый шаг стоил мучительного труда. И хотелось лечь прямо вот здесь ничком и больше ни о чём не думать: пусть будет, как будет. Но я чувствовала в своей руке хрупкую руку Игоря, мне всё слышалась какой-то топот сзади, и я помнила одно: я должна увести отсюда Игоря, я должна выбраться скорее с ним из этой ночи. И я шла, переставляя из последних сил отяжелевшие ноги; боль разламывала голову. Я останавливалась, ела холодный снег с веток и снова шла. Только бы уйти прочь от тех, кто остался там, сзади, с факелами, только бы выбраться из морозной тьмы, которую раскалывали грохочущие вспышки разрывов! Я шла, всё чаще спотыкаясь, иногда падая на колени, приподымалась, вставала и вела за собой Игоря.

— Сима, я больше не могу идти... — вдруг тихо сказал Игорь и сел на снег. А потом повалился ничком.

Но я не выпустила другой его руки из своей. Я тянула Игоря к себе, силсилась поднять его. Я шопотом уговаривала, просила его:

— Игорёк, встань, я тебя прошу! Ну, отдохни чуточек, и пойдём. Нет, я руку не отпущу... Вот так. Ну, отдохнул? Пойдём теперь. Тут где-нибудь наши близко... Идём.

Но он лежал, неловко вывернув поднятую руку, которую я продолжала крепко держать. Я знала: если я отпущу, у меня уже не будет сил нагнуться, поднять его.

— Сима, ты иди, — услышала я. — Иди, Сима. Ты меня оставь. Я всё равно больше уже не могу идти, а ты иди... Они тебя убьют, Сима...

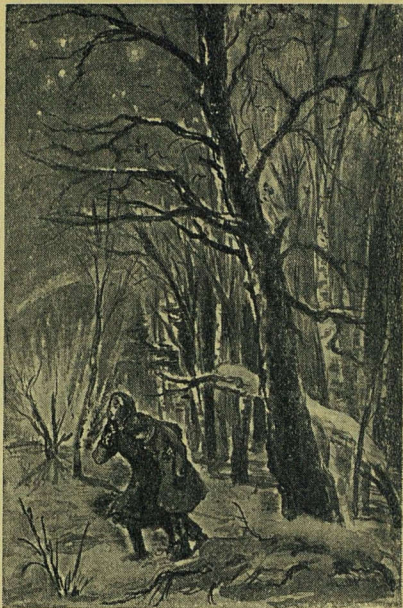
И тогда я, стараясь не наклонять головы, держа её чуточно запрокинутой назад, опустилась на колени и, перекинувшись через своё плечо руку Игоря, которую я так и не выпустила, другой рукой, уцепившись за толстую низкую ветвь дерева, поднялась и заставила подняться Игоря.

— Ты вот опирайся так на моё плечо, слышишь, Игорёк? Опирайся весь, крепче, не бойся! Ты только ноги вперёд переставляй, а я уж тебя потащу, ты об этом не думай, не твоя забота...

Я чувствовала, как Игорёк изо всех сил старается не опираться на моё плечо. Но его всего сотрясала озноб. Он дрожал, задыхался и всё сползал с моего плеча, всё бормотал мне в ухо:

— Честное слово, Сима, иди лучше одна, пусти меня...

— Игорь, — сказала я ему, — перестань болтать ерунду! Слышишь, Игорёк? Помнишь, мы с тобой говорили «о серьёзных вещах»,

Я поднялась и заставила подняться Игоря.

вот я тебе сейчас скажу, Игорь, одну серьёзную вещь: я хочу, чтобы ты был. Я тебя не брошу. Никогда. Понял? Ни за что! Сколько бы ты ни болтал глупостей, я не могу тебя бросить. И ты только подумай, Игорёк, что бы я тогда сказала капитану Малинину?.. Ну, отдохнули? Пошли.

— Ох, Сима, какая ты, — услышала я за своим ухом и чувствовала на своей шее горячее, срывающееся дыхание Игоря. — Ты сама не знаешь, какая ты, Сима!

— Нет, я знаю, какая я Сима! А ты молчи, Игорёк. Ты не дыши ртом, молчи.

Да, я знала, какой я должна была быть в эту ночь! Я хотела быть такой: смелее, чем когда бы то ни было, сильнее, чем все мои силы, вместе взятые, потому что их оставалось совсем немного, а идти надо было далеко. Мне нужны были силы на двоих: со мной был Игорь, сын капитана Малинина. А я обещала капитану быть всегда вожатой для его сынишки. «Будь уверен, Игорёк, твоя вожатая не бросит тебя одного в этом лесу. Будьте спокойны, капитан Малинин, я доведу вашего сына до своих!»

Всё, что происходило дальше, путалось с тяжёлым, иногда оглушительным бредом, в который я, очевидно, впадала, продолжая идти.

И потом большая поляна, белая от снега, залитая лунным светом. И вот мне кажется,

что я уже не иду, уже не земля, а пол вагона-теплушки ходит подо мной... Нет, это качается земля под моими ногами, и от меня уходит поезд, стучат колёса, а вагон высокий, и что-то кричит мне Курбан, и ржут, топочут сверху лошади.

И когда по снежному полю, залитому холодным сиянием луны, мчатся навстречу нам всадники с гортанным криком «Ю-гее!», а на головах их косматые шапки, я не верю, что всё это происходит уже на самом деле, а не во сне. Всё ближе и ближе кони, и я, боясь ещё поверить, но уже сердцем чуя, что это не сон, а правда, делаю навстречу два последних шага. На третий шаг у меня уже не хватает сил, ноги у меня подгибаются, я тяжело валяюсь на колени, держа на плече руку Игоря. Всадники окружают нас.

— Товарищи, — кричу я им снизу. — Игорь! Это наши... Товарищи, вы не из части Павлихина?

— Павлихина, — отвечают мне, и я слышу знакомый выговор, — Павлихина. Кто такая будешь?

— Салам! Здравствуйте! Салам, джигиты! Амед Юсташев не с вами?

Тогда вдруг вперёд вырывается высокий конь. В лунном свете он кажется бронзовым. Он заезжает круто вокруг меня, словно отгравив нас с Игорем от всего страшного, что осталось позади, там, за лесом. Я вижу косматую шапку за вскинутой красивой голой лошади.

— Дюльдяль! — шепчу я.

Всадник резко склоняется ко мне с седла, лунная тень от чёрной косматой шапки закрывает ему всё лицо. Сильная рука рычком вскидывает меня с земли на коня. И я узнаю совсем рядом с собой лицо старого Курбана.

— Сима-гюль! — бормочет он и, прижав мою голову к своему плечу, осторожно гладит рукой мой висок.

— Курбан, Курбан! — повторяю я и смеюсь от радости.

А Игорь, которого поднял на седло другой всадник, всё спрашивает, я слышу:

— Дядя, это место уже наше? Да? Это земля обратно взятая? Это наша земля?

— Курбан, где Амед? — спрашивая я, чувствую что-то неладное.

И мне становится страшно: почему под Курбаном сегодня скачет Дюльдяль? Я чувствую, как бережно и крепко прижимает мою голову к своему плечу Курбан. И вдруг что-то горячее смачивает мне щеку. От неожиданности я приподнимаю голову, и то, что я вижу, тяжело поражает меня: старый Курбан беззвучно плачет.

— Такой джигит был!.. Умный такой! И сердце такое имел, как орёл. Сам пошёл. Хотел сам. Ой, Амед-джан...

Мне хочется знать всё, но у меня нет слов, нет голоса, чтобы спросить.

— Курбан! Когда же это, как? — наконец говорю я, сама себя не слыша.

— Немец хотел шоссе брать, на Москву идти. Мы рейд делали. Большой рейд получился. Амед в бою первый был. Разведку делал. Одного срубил, второго, третьего... Пять человек. Потом его пуля взяла. Теперь нет больше Амеда. Многих нет. Э, Сима... Какой джигит был! Ах, Сима-гюль! Другой

человек не знает — ты знаешь, я знаю, Красная Армия знает, какой был Амед-джан...

Амед, Амед, милый, верный товарищ, как мало досталось нам дружить с тобой! Какая короткая у нас была дружба! И я плачу, горько и молча плачу, зарывшись всем лицом в душную косматую шапку Курбана. А под нами то тревожно всхрипывая, то нетерпеливо пробуя копытом снег, тихонько ржёт, слыша имя хозяина, осиротевший Дюльдяль!

МОЖАЙСКИЙ ЛЕД

«В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах Москвы...»

Какие слова! Какие слова! Только послушайте!..

«6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и успешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери... Хвастливый план окружения и взятия Москвы провалился с треском.»

Это сообщение я слышала уже в госпитале, в Москве.

Игорёк в Москве быстро поправился. Он жил в нашей квартире с майором Проторовым и часто навещал меня этой зимой. Приходили письма от Ромки Каштана, который ушёл в войска связи на фронт. Писали мне мои пионеры с Урала. Скукачи о Москве, сообщали о своих тамонных делах.

А мне всё снилась та декабрьская ночь, Амед и конники-павлихинцы, скачущие в косматых шапках на белой поляне, ледисто сверкающей под луной.

Я выписалась из госпиталя к весне. И мне захотелось в первый хороший день пойти посидеть на Новодевичьем кладбище, у памятника Распечёну. Со мной, как всегда, увязался Игорёк.

Голубое весеннее небо сквозило через розоватое каменное кружево на широких башнях монастыря. Пели птицы над могилами. Пробила нежная и робкая трава около гранитного памятника из строгого, непреклонного камня — лабрадора.

А потом мы вышли на берег Москвы-реки. День был ясный. Но с реки тянуло холодом.

Шёл Можайский лёд.

И вдруг Игорь, тронув меня за руку, показал куда-то пальцем.

Среди реки, спираемое другими глыбами, медленно вращаясь, пылало ледовое поле. Снег стаял с него, обнажив ряды кольев, перевитых колючей проволокой. Что-то всплывшее, в зелёной шинели, лежало там. Перевернутая пустая каска вмерзла рядом в лёд.

Шёл Можайский лёд.

И по реке пылало последнее видение московской осады. А с берега уже отребала лодка, лавируя между льдинами. На носу стоял человек с баргом, готовый запелить льдину, отбуксировать прочь и не пустить в черту города даже остов того, кто хотел, барабана криг-марш, шагать и топтать по Москве...

Шёл Можайский лёд.

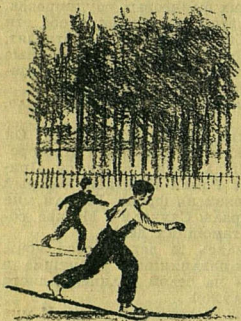

Хороший ли ты лыжник?

Заслуженный мастер спорта В. Серебряков

Рис. Я. Титова

Хороший лыжник пройдёт и по нетронутой снежной целине и меж деревьями по лесу, поднимется на любую горку, спустится с крутого склона.

Если хочешь стать хорошим лыжником, учись ходить на лыжах правильно.

Сначала попробуй ходить без палок скользящим шагом. Это научит тебя хорошо сохранять равновесие. Обрати внимание на выработку длинного скользящего шага — от этого и зависит быстрота хода.

Когда все вы натренируетесь, устрой в своём звене соревнование: у кого самый длинный шаг. Победит в нём

тот, кто пройдёт большее расстояние за десять шагов.

Твое звено или отряд, наверное, будет совершать зимние походы. В походе тебе придётся идти по пересечённой местности, и тут особенно удобен попеременный ход. На рисунке, который помещён здесь, наверху, лыжники идут как раз таким ходом. Рассмотрите внимательно их движения. А теперь взгляни на другую страницу, на последний рисунок.

Замечаешь: движения у лыжников совсем другие. Они выносят вперёд сразу обе палки, делают один — два скользящих шага и отталкиваются одновременно двумя палками. Эти лыжники идут одновременным ходом. Пользуясь им на равнине и на пологих склонах, когда ты идёшь по накатанной лыжне.

Помни, что при разных способах ходьбы работают разные группы мышц. Утомив-

ишь идти одним ходом, переходи на другой.

В походе тебе придётся взбираться на крутые и пологие горки. Вот тут на рисунках ты видишь, как нужно это делать. Недлинные отлогие подъёмы преодолевай ступающим шагом прямо или наискось. Если нужно быстро взобраться на крутую гору, поднимайся «ёлочкой». Разведи в стороны носки лыж и поднимайся, опираясь на внутренние рёбра их. Палки разведи в стороны и держи позади корпуса. Чем круче склон, тем шире расставляй носки лыж.

Наиболее крутые склоны преодолевай «лесенкой». Встань к горе боком, поставь лыжи параллельно и поднимайся приставным шагом, опираясь на палки.

Чтобы съехать с большой горы, обойти все препятствия и не упасть при этом, нужно быть очень ловким и, главное, смелым. Часто бывает, что новичок падает не оттого, что он потерял равновесие, а оттого, что испугался стремительности спуска с горы. Старайся преодолеть в себе страх. Только смотри, когда спускаешься, держи палки позади тела, что-

бы не наткнуться на них при падении.

Держись при спуске совершенно свободно, потому что напряжение связывает движения.

Съезжая с незнакомой горы, не развивай полной скорости, ты ведь не знаешь, что у тебя может встретиться впереди. Тормози движение палками и лыжами. При спуске наискось тормози полуплугом, при прямом спуске — плугом, как делает лыжник на нижнем рисунке на стр. 30.

Ходи побольше снежной пеллиной, постепенно ускоряя темп. Почаще устраивай звеньевые и отрядные соревнования: так интересней тренироваться.

ПУТЬ ОДНОГО ЛЫЖНИКА

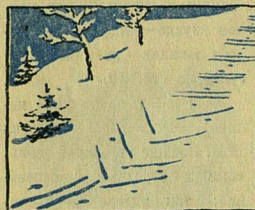
В какую сторону шёл лыжник?

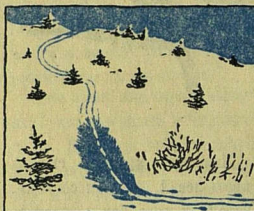
Чей след он увидел?

Каким стилем пошёл он теперь?

Какая часть этой горы круче?

Как спускался лыжник с горы?

Почему прервалась лыжня?

Что случилось здесь? Каким стилем пошёл лыжник теперь?

Что сделал лыжник перед тем, как войти в свой дом?

На этих картинках вы не видите лыжника, но на снегу остались его следы. По ним вы можете узнать, какие приключения были у лыжника в пути.

Напишите нам, что вы прочитали по следам.

СОДЕРЖАНИЕ

Ёлка.—Рассказ Б. Полевого. Рис. А. Кокорина . . .	1 стр.
Так хорошо.—Стихи В. Кузнецова. Рис. Л. Тараканова	6 .
Зимние победы.—Очерк Н. Розенкноп. Фото С. Преображенского	7 .
Наша почта.	12 .
Справочное бюро.	15 .
Сюрприз отряду.—Текст и рис. Е. Фрадкиной . . .	16 .

Свет Москвы.—Главы из повести. (Окончание.) Лев Кассиль. Рис. В. Цельмера	19 .
Хороший ли ты лыжник?—Заслуженный мастер спорта В. Серебряков. Рис. Я. Титова	30 .
Путь лыжника.—Рис. П. Кузьмичёва	32 .
Вы таких не встречали?—Стихи Владимира Лифшица. Рис. Н. Кочергина	IV п. обл.

На обложке: рисунок художника Н. Кочергина „На лыжах“

Редакция: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 15/XII—47 г.

Изд. № 890.

82×110.

1/16 бум. листа.

А 09046.

76 999 печ. зн. в печ. листе. 4 печ. л.

Тираж—58 000.

Заказ 3285.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Занимайтесь

зимним спортом

ХОДИТЕ НА ЛЫЖАХ! КАТАЙТЕСЬ НА КОНЬКАХ!

Готовьтесь сдать нормы БГТО и ГТО I ступени. Спорт сделает вас сильными, ловкими, выносливыми. Только не переутомляйтесь. Следите за своим здоровьем, советуйтесь с врачом и с педагогом.

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.*

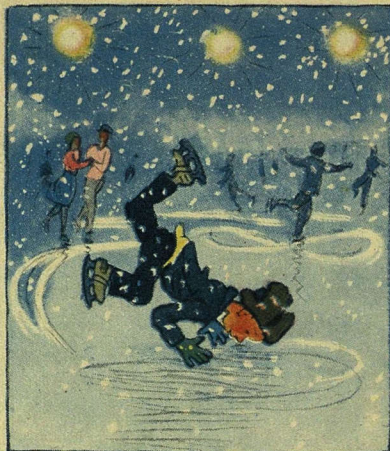
Вы таких не встречали?

Стихи Владимира Лифшица

Рис. Н. Корчагина

Вы встречали спортсменов подобного сорта!
Он свободно владеет всеми видами спорта!
Он на лыжах скользил удивительно смело,
Но под горкой сосна... на него налетела!..

А вот вам испытание
На льду, а не в лесу:
Фигурное катание
На собственном носу!

Сами, сами, сами, сами
Мчатся с горки наши сани!
Мчатся сани «с ветерком»,
Он за ними — кувырком!

Вы встречали спортсменов подобного сорта!
Он свободно владеет всеми видами спорта,
Но мы убедились на прошлой неделе,
Что свободно владеет на словах, не на деле...

